

НЕКОТОРЫЕ АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХЕТТСКОГО, I

1. Хеттский и отдельные вопросы пространственно-хронологического аспекта членения индоевропейского. 2. Экскурс в историю ареальных исследований хеттского с выделением хетто-арийской проблематики. 3. Арийские языковые элементы Передней Азии и их диалектная принадлежность; негативная оценка возможностей хетто-арийских языковых связей в историческую эпоху.

1. Далеко продвинувшаяся, особенно в настоящее время, интерпретация фактов хетто-лувийских языков с необходимостью повлекла за собой пересмотр многих традиционных постулатов, в частности тех, которые имеют непосредственное отношение к проблемам индоевропейской диалектографии и реконструкции индоевропейского языка эпохи наиболее интенсивного взаимодействия его диалектов. Фиксированные с первой четверти II тысячелетия хорошо сохранившимися письменными памятниками, хетто-лувийские языки предстали перед исследователями по отношению к реконструированному праязыку в поразительном своеобразии, несомненно предполагавшем достаточно длительную самостоятельную языковую историю со своими индивидуальными и, как сказали бы теперь, ареальными утратами и инновациями¹, осуществившимися в немалой части, видимо, в период до переселения хетто-лувийских племен в Анатолию. Это и ряд иных соображений подразумевают значительно более раннюю дату распада индоевропейской общности, нежели принято было считать (конец III — начало II тысячелетия), и отодвигают ее вглубь, в любом случае ближе к рубежу IV и III тысячелетий². С другой стороны, ввиду индоевропейского характера многих субстратных реликтовых языков Средиземноморья, включая Балканский полуостров, где, по всей вероятности, на юге один из догреческих лингво-этнических слоев был хетто-лувийским анатолийского происхождения³, следует признать недостаточным

¹ Общий обзор специфически хетто-лувийских явлений см.: К а т т е н-
h u b e r 1959a, 1969, стр. 249 сл.; Г а м к р е л и д з е 1964, стр. 2.

² Несколько иной аспект полемики по данному вопросу см. в нашем
информационном обзоре Международного симпозиума по этногенезу балкан-
ских народов в Пловдиве (23—28 апреля 1969 г.). — ВЯ, 1970, 2, стр. 139 сл.

³ Специально об этом слое см.: Г и н д и н 1967 (с литерат.).

перенос на середину III тысячелетия начала дивергентных процессов пространственного обособления индоевропейских диалектов и соответственно времени выделения хетто-лувийских языков, как это утверждается в трудах Аннелиз Камменхубер⁴. Ссылка, вслед за Шрадером и др., на существование в индоевропейском лишь названия для металла вообще, с позднейшим переносом по обособившимся диалектам на медь, бронзу и железо (и.-е. **ai-os*⁵)⁶, может свидетельствовать о разделении индоевропейского, по-видимому, в неолите⁷, но отнюдь не служить аргументом в пользу предлагаемой Камменхубер датировки, поскольку в различных географических районах хронология слоев далеко не совпадает. Так, на юге современной Болгарии в знаменитом раскопе близ местечка Каранова поздний неолит (слой Каранова IV) датируется концом IV—началом III тысячелетия⁸.

⁴ Камменхубер 1969, стр. 338, 342 и др.; 1961, стр. 33, 70 сл.; 1961a, стр. 15 сл.; 1968, стр. 29. — Строго говоря, Камменхубер имеет в виду не распад в указанный период индоевропейской общности в целом, а выделение хетто-лувийского, приблизительно одновременно с арийским, но позже греческого и армянского; эта последовательность была намечена еще Шпехтом, считавшим, что расселение носителей перечисленных языков осуществилось в первой волне внутри земледельческой культуры, и поддержана Краз на материале «древнеевропейской» гидронимии в его многочисленных работах.

⁵ Роконгу, стр. 15.

⁶ Здесь очень важны показания хеттских письменных источников, засвидетельствовавших для названий основных металлов только неиндоевропейские заимствования из языков Передней Азии, resp. Восточного Средиземноморья, ср., например, хетт. NA₄ *kuḫanna* (n)- = NA₄ *kuḫna* (n)- 'медь; медно-синий; драгоценный камень' = лув. NA₄ *kuḫna-niṣa-tar*, сюда же в качестве заимствования из восточных средиземноморских языков, возможно, через хеттское посредство, греч. *λαυρός* 'лазурит, синяя глазурь, темно-синяя эмаль', мик. *ku-wa-no*(?) (Friedrich HW, стр. 122; Frisk II, стр. 37); хетт. *ḫapalkiia-* 'железо' из протохатт. *ḫapalki-* то же (Friedrich HW Erg. I, стр. 4, 24), о возможности связи греч. *χαλκός* 'медь, бронза' с указанным протохаттским словом см.: Frisk II, стр. 1070 (со ссылкой на Пизани) и т. д.: притом только идеограммы обнаружены для обозначения золота (GUSKIN) и серебра (KU. BABBAR) — Friedrich HW, стр. 276, 281. Сказанное наталкивает на мысль, что хетто-лувийцы, видимо, до переселения в Анатолию, т. е. до последних веков III тысячелетия, не были знакомы с металлургией как таковой; существо дела не изменится и в случае, если окажется достоверной предложенная Нойманом индоевропейская этимология хетт. *šuli-* 'свинец' < и.-е. **slī* 'bläulicher Glanz', так как данная лексема не имеет семантических параллелей в других индоевропейских языках (G. Neumann. Hethitisch *šuli*-Blei'. — «Festschrift J. Friedrich». Heidelberg, 1960, стр. 347 сл.). Между прочим, сходное положение наблюдается и в греческом, где одно лишь название серебра имеет ортодоксальное праиндоевропейское истолкование, прочие же названия, вероятно, представляют собой заимствования из субстратных и адстратных языков Средиземноморья.

⁷ Камменхубер 1969, стр. 339.

⁸ Ср.: J. Mellaart. Prehistory of Anatolia and its relations with the Balkans. — L'ethnogenèse des peuples balkaniques» («Studia balkanica

В соответствии с заниженной датой выделения хетто-лувийских языков, причем из западной диалектной зоны, Камменхубер настаивает на незначительной их архаичности⁹, что противоречит общепринятой и вполне достоверной оценке многих фактов из области лексики, морфологии и синтаксиса упомянутых языков¹⁰.

Вместе с тем нельзя не согласиться с Камменхубер, выступающей против известного стремления использовать материал хетто-лувийских языков в качестве единственно достоверной отправной модели для воссоздания праиндоевропейского состояния. Несомненное значение хетто-лувийских языков как самой ранней письменной традиции заключается в коррекции того, что вырисовывается при сопоставлении архаичных явлений всех сохранившихся индоевропейских языков¹¹, где по-прежнему, кажется, важнейшая роль принадлежит греко-арийским фактам, более непосредственно и полно отразившим протоиндоевропейскую языковую систему периода наибольшей диалектной близости¹².

Помимо многого другого, значение памятников на хетто-лувийских и прочих древних языках Передней Азии еще и в том, что они, будучи хорошо датированы, содержат указания на реальные моменты, распределение которых на абсолютной временной шкале может способствовать более или менее близким к вероятности относительным и в отдельных случаях абсолютным хронологическим и пространственным построениям из области индоевропейских этно-лингвистических миграций и ареальных взаимодействий. Имеются в виду хеттские личные имена и некоторое число иного рода хеттских заимствований, обнаруженных в документах XIX в. до н. э. на аккадском языке из староассирийских торговых колоний в Каппадокии (Кюльтепе, Богазкёй, Алишар), а также арийские по происхождению: имена богов, личные (тронные) имена митаннийских царей и их приближенных из ряда аккадских (хурритских) клинописных источников и свыше десятка апеллативов, в большинстве коневодческих терминов, сохранившихся в трактате Киккули на хеттском и в аккадских клинописных памятниках из Нузы, а также, возможно, Алалаха и других мест юго-востока Передней Азии и Ближнего Востока. Судя по

5»). Sofia, 1971, стр. 127 и табл., где Караново IV считается переходным слоем от неолита к энеолиту.

⁹ Камменхубер 1961, стр. 44; 1969, стр. 343 сл.

¹⁰ Маургофер 1965b; Иванов 1965 и др.; Густани 1968, стр. 19 сл.

¹¹ Ср.: Иванов—Топоров 1960, стр. 21; Иванов 1965, стр. 9; В. Н. Топоров. О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола. «International journal of slavic linguistics and poetics», V, 1962, стр. 31 сл.; Иванов 1963, стр. 7.

¹² Специально, с достаточной убедительностью, см.: И. М. Тронский. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967, стр. 85 сл. и др.; Камменхубер 1969, стр. 343. Особенно очевидную перестройку (упрощение) во время обособленного существования хетто-лувийских языков претерпел глагол.

вавилонским источникам, проникновение арийцев в Месопотамию и в сопредельные области к западу могло начаться в XVIII—XVII вв.¹³, в том числе и в государство Митанни¹⁴. Таким образом, датировка староассирийских таблиц служит *terminus ante quem* появления хетто-лувийцев в Анатолии, а годы правления упомянутого вавилонского царя — проникновения арийцев в Месопотамию.

В свете изложенного представляется [существенно важным уточнение отдельных деталей лингвистической истории хетто-лувийцев после их выделения из индоевропейского этно-диалектного единства и до переселения в Анатолию. При этом основное внимание будет сосредоточено на различных фрагментах хетто-арийских ареальных взаимодействий, их характере и возможностях пространственно-временной проекции. Выбору именно этого аспекта из всего многообразия хетто-лувийских диалектных связей способствовали два момента: во-первых, наиболее ранняя, а для древнеиндийского, наряду с древнегреческим, и самая полная сохранность¹⁵ по сравнению с другими индоевропейскими языками, во-вторых, заманчивая перспектива проследить неоднородные пласты хетто-арийских отношений в аспекте диахронической прерывности и разновременных региональных контактов с исторической эпохи вплоть до периода потенциальных диалектных схождения в рамках индоевропейского лингвистического континуума. Разумеется, в пределах одной статьи можно реализовать лишь часть намеченной проблематики.

2. Многоаспектная тема диалектных связей хеттского и его места внутри индоевропейской общности, начиная с пионерских работ Грозного¹⁶, продолжает до наших дней вызывать оживленную дискуссию и неослабеваемый интерес¹⁷. Новый импульс,

¹³ Первое упоминание о касситах, могущих, подобно хурритам, включать некий арийский этнический элемент, относится к 9-му году правления вавилонского царя Самсуилунаса (1740 : 1676).

¹⁴ О датировке пребывания арийцев в Передней Азии см.: K a m m e n h u b e r 1961a, стр. 16 сл.; 1968, стр. 23 сл., 47 сл. и др.; H a u s c h i l d 1962, стр. 9; M a u g h o f e r 1966, стр. 26 сл. (с хронологической таблицей митаннийских царей, носящих, по его мнению, арийские имена, — стр. 31).

¹⁵ Впрочем, разрыв между первыми хеттскими памятниками и древнейшими письменными памятниками на прочих индоевропейских языках составляет более половины тысячелетия.

¹⁶ Ср., например: F r. H o z n ý. Die Sprache der Hethiter. — «Boghazköi-Studien», 1—2. Leipzig, 1917, где, помимо западно-индоевропейского кентумного облика хеттского, предполагается связь с италийским, кельтским и тохарским по наличию *-r* в медиально-пассивном залоге (стр. 156 и др.). То же спустя несколько лет утверждал Педерсен, присовокупив к упомянутым языкам еще фригийский (H. P e d e r s e n. Le groupement des dialectes indo-européens. København, 1925, стр. 43 сл.).

¹⁷ Обзор довоенной литературы по указанной проблематике см.: П о р ц и г 1964, стр. 66 сл.; В. П и з а н и. Общее и индоевропейское языкознание. — «Общее и индоевропейское языкознание». М., 1956, стр. 171 сл.; включая новые работы: G u s t a n i 1968, стр. 7 сл., 35 сл. и др. (примени-

главным образом в методологическом отношении, работы подобного жанра получили со стороны упомянутой монографии Порцига, опубликованной в 1954 г. (русский перевод появился спустя 10 лет). Нам уже приходилось писать неоднократно¹⁸ о далеко идущем значении для решения проблем членения индоевропейского языкового пространства труда Порцига, впервые построившего свои выводы не только на учете фонетических и грамматических инноваций (это делалось и до него), но и на равноправном привлечении лексических новообразований из исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, с определенным перевесом лексических изоглосс в выборе окончательных решений. В то же время в кругу интересующих нас проблем (лингвистические и этнические ареальные контакты, диалектные связи и т. д.) значительно возрастает удельный вес этимологического анализа апеллативной и ономастической лексики в его современном понимании, что особенно становится актуальным при исследовании языков таких, как хеттский, тохарский, подвергшихся существенной фонетической и грамматической перестройке и адаптации в иноязычной (в данном случае неиндоевропейской) среде, или реликтовых языков типа догреческих, фракийского и пр., почти целиком поглощенных суперстратом. Разумеется, достоверность свидетельств разного вида лексики в изучении лингво-этнической доистории увеличивается, если они фигурируют в совокупности с изоглоссами других языковых подсистем¹⁹, как, например, при постулировании арио-греко-армянского ареального единства. В случае же хетто-арийских исторических и доисторических отношений грамматический и фонетический подтекст лексических соположений, за небольшим, но очень показательным исключением (наличие единичных сатемных рефлексов в хетто-лувийских языках обоих периодов)²⁰, почти полностью отсутствует. Выявлению ареальной дистрибуции и конфигурации отдельных индоевропейских диалектов или диалектных зон большую поддержку может оказать ономастическая, главным образом топонимическая лексика по причине ее географической закреплённости и лингвистической консервативности, но при безусловном соблюдении некоторых специфических процедурных моментов этимологического анализа собственных

тельно к изучению лексики); K a m m e n h u b e r 1969, стр. 127 сл. и др. (подробно, с полной литературой).

¹⁸ Л. А. Гиндин. — «Этимология, 1964». М., 1965, стр. 362; Гиндин 1967, стр. 12.

¹⁹ Ср.: K a m m e n h u b e r 1969, стр. 343: о показательности лексических изоглосс между двумя и более языками¹ лишь в условиях существования между ними еще и морфологических связей.

²⁰ Специально о сатемных фактах в хетто-лувийских языках см.: Иванов 1958, стр. 18 сл.; Гиндин 1971, стр. 49 сл. (оба с литерат.).

имен²¹. Поучительным примером использования топонимии в указанном плане являются многие работы Краэ, реконструировавшего «центрально-европейский» ареал индоевропейских диалектов, известная книга В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева²², а также последняя монография О. Н. Трубачева²³. Надо думать, что комплексное использование данных апеллативной и ономастической лексики, где это возможно, должно привести к более однозначным выводам относительно географического ландшафта индоевропейских языков в доисторическую эпоху.

Однако вернемся к обзору исследований диалектных индоевропейских связей хеттского, уделяя специальное внимание оценке интересующих нас хетто-арийских отношений.

Сравнительно с другими индоевропейскими языками, Порциг из-за недостатка и крайней скудости материала, сопряженного с незначительным числом надежных этимологий, весьма скептически отнесся к возможностям достоверного определения места хеттского среди индоевропейских диалектов и разграничения его ареальных изоглосс²⁴. Тем не менее полемика, разгоревшаяся вокруг его предположительных выводов, может быть сопоставлена по остроте с дискуссией вокруг индо-хеттской гипотезы Стертеванта. В целом Порциг склоняется к тому, чтобы включить хеттский, вопреки мнению некоторых предшественников²⁵, в восточ-

²¹ Характеристику топонимической этимологии см. в докладе: Л. А. Гиндин. К методике выявления и стратификации лингво-этнических слоев на юге Балканского п-ова. «Этимология, 1967». М., 1969, стр. 215 сл.

²² Библиографию работ указанных авторов см.: Гиндин 1967, стр. 10 сл., 16 и список использованной литературы.

²³ «Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация». М., 1968.

²⁴ Порциг 1964, стр. 277.

²⁵ Точку зрения Педерсена см. выше, прим. 16; Бонфанте в ряде статей привел множество сопоставлений, сближающих, по его мнению, хеттский с языками «центрально-европейского» ареала и в первую очередь с греческим и наименее всего с латинским, см.: G. Bonfante. Note sur la chronologie de la langue hittite. — IF 52, 3, 1934, стр. 221 сл.; Он же. Encore de la place du hittite parmi les langues indo-européens. — IF 55, 2, 1937, стр. 131 сл.; Он же. La position du hittite parmi les langues indo-européens. — «Revue belge de philologie et d'histoire», 18, 1939, стр. 381 сл.; A. Meillet. Essai de chronologie de langues indo-européens. — BSL 32, 1, 1931, стр. 1 сл.: относительно лингвистических связей хеттского с кельто-италийскими ввиду их особой архаичности по причине вхождения в противоположные украинные (периферические) области индоевропейского пространства. См. убедительный негативный разбор многих хеттско-греческих изоглосс, приводимых Бонфанте, и его гипотезы в целом у Камменхубер (Kammenhuber, 1961, стр. 54 сл.). Там же по поводу «абстрактной теории» Мейе, положившего в ее основу (неверное, согласно Камменхубер) предположение об архаичности *-r medio-passivi* и отсутствии грамматического различия мужского и женского рода, свойственных языкам периферии; ср. об этом еще: Камменхубер 1969, стр. 340 сл.; специально о медиальных *r*-формах З. л. ед. и мн. в хеттском, тохарском, фригийском, кельтском и италийских см.: Порциг 1964, стр. 127 сл.

ную диалектную зону. Так, в конце специального раздела «Место хеттского языка» он следующим образом подытоживает ареально-изоглоссный материал: «В общем связи хеттского языка с западной группой гораздо слабее, чем связи тохарского с той же группой языков. . . Но установленные бесспорные связи с в о с т о ч н ы м и я з ы к а м и (разрядка наша. — Л. Г.) сохраняют свое значение, хотя их и недостаточно для того, чтобы точно определить место хеттского по отношению к соседним языкам»²⁶. И далее, в последней главе более категорически: «хеттский, тохарский²⁷ и албанский языки . . . в результате сравнения каждого из них со всеми остальными индоевропейскими языками оказываются принадлежащими к восточной группе»²⁸. Относительно же более частной проблемы хетто-арийских отношений Порциг высказывается довольно определенно, что «хеттский с самого начала находился в тесном соприкосновении с арийским (zu Beginn in naher Berührung)», но в подтверждение приводится одна-единственная общая лексико-морфологическая инновация: общеиндоевропейское название зимы — **ǵheimz-* в обоих языках имеет суф. *-t-*, ср. др. -инд. *hemantá-*, хетт. *gimmanz(a)*²⁹, чего явно недостаточно для подтверждения ареального соседства данных языков как в период индоевропейского единства, так и в период существования уже обособившихся диалектов.

Вскоре появляется целиком лексико-этимологическая монография П. Фронцароли³⁰, посвященная исследованию ареальных характеристик хеттского в рамках индоевропейского лингвистического пространства. Будучи семитологом по специальности, автор суммирует известный материал, извлеченный главным образом из словаря Фридриха, в выборе достоверных этимологий опираясь на семантические критерии. Подвергнув статистической обработке лексические изоглоссы, Фронцароли делает заключение о слиянии в хеттском на фоне сохранившейся архаической лексики двух языковых традиций: «восточной», реализуемой в лексе-

²⁶ Порциг 1964, стр. 282.

²⁷ К принадлежности тохарского к западной группе см.: Камтен-хубер 1961, стр. 45 сл., 69; 1969, стр. 346 сл.; ср.: Бенвенист 1959, стр. 105: тохарский — член доисторической группы, занимающей, возможно, вместе с хеттским, промежуточное положение между ареальными единствами — балтийским и славянским, с одной стороны, греческим, армянским и фрако-фригийским — с другой, т. е. языками, составляющими, по мнению многих, восточную зону индоевропейских диалектов.

²⁸ Порциг 1964, стр. 315.

²⁹ Rogzig, 1954, стр. 188; против инновационного характера данного примера Порцига вообще и в эпоху раннеисторических контактов в частности см.: Камтенхубер, 1961, стр. 51; Маурхофер, 1965b стр. 247 сл.; ср.: Gusmani, 1968, стр. 56.

³⁰ P. Fronzarioli. Contributo alla definizione dialettale dell'ittita. — «Atti e memorie dell' Accademia Toscana di Scienze e Lettere, «La Colombaria»». XXII. Firenze, 1958, стр. 119—179 (с подробнейшим обзором литературы по данной проблеме).

мах, свидетельствующих об особо тесных связях с древнеиндийским и тохарским, и «центральной» (по Порцигу, «западная» зона) с лексическими изоглоссами, общими у хеттского в подавляющем большинстве с германским³¹ и итальянскими³². Исследование лексических связей хеттского только с «западной» группой индоевропейских диалектов продолжена И. Сорди³³, отметившего в итоге концентрацию этих изолексов в религиозной, социальной и правовой сферах.

Включение Порцигом хеттского в восточную группу языков и постулирование другими авторами значительной части хеттского словаря, ориентированного на центрально-западные диалекты, вызвало необходимость в новой ревизии всех фактов, находящихся в научном обиходе к 60-м годам. Такая относительно полная проверка как морфологических, так и лексических изоглоссов предпринята в уже упоминавшейся специальной монографической статье Камменхубер³⁴. При этом, в соответствии с методикой Порцига, для выделения сепаратных (лексико-морфологических) инноваций исследуются исключительные или региональные соответствия хеттского. Автор вновь обращается к инновационной ценности изоглоссы медио-пассива на *-r* в 3 л. ед. и мн. ч., охватившей в период до переселения хетто-лувийцев в Анатолию фриг., кельт., оскско-умбр., лат., тох., хетто-лув. языки, и изоглоссы, выразившейся в использовании древних вопросительных местоимений **q^hi-*, **q^ho-* в качестве относительных, объединяющей лат., оскско-умбр., тох., хетто-лув. Указывается в соответствии с этим определенное число общих лексических инноваций таких внушительных, как, например, **uē-ntos* 'ветер' (лат., кельт., герм., тох., хетто-лув)³⁵, гетероклитическая основа **ei-t-er* 'путь' (лат., тох., хетто-лув.), **teutā* 'община', *gesp.* 'народ, страна' (герм., оскско-умбр., кельт., иллир. (с мессап.), балт., хетт., где *tuzzi(a)-* 'войско'³⁶, и пр. В противоположность тезису Порцига о восточно-диалектной принадлежности хеттского внутри

³¹ О важности отмеченных Фронцароли связей хеттского с германским см.: E. L a g o s c h e [рец. на его монографию]. — BSL 542, 1959, стр. 84; там же о неправомерности статистического анализа применительно к хеттскому из-за фрагментарности сохраненного памятниками материала.

³² На связи хеттского с латинским и германским в религиозной и правовой лексике Фронцароли, вслед за упоминавшимися выше статьями Бонфанте, обращает специальное внимание в работе: «L'antefatto indeuropeo nella formazione della civiltà ittita. — PdP LXVII, 1951, стр. 263 сл.

³³ I. S o r d i. L'ittito e le lingue ie. occidentali. — RIL 93, 1959, стр. 240 сл.

³⁴ См.: K a m m e n h u b e r, 1961. Стр. в несколько обобщенном виде: K a m m e n h u b e r 1969, стр. 346 сл.

³⁵ Ср. иную ареальную интерпретацию, без хеттского соответствия: П о р ц и г 1964, стр. 90.

³⁶ Ср.: П о р ц и г 1964, стр. 294 сл. Против отнесения хеттского слова к **teutā* см.: B e n v e n i s t e 1962, стр. 122 сл., однако ср.: M a u g h o f e r, 1964, стр. 194, со ссылкой на Семереньи в поддержку.

индоевропейского Камменхубер приходит к мысли, что «многое в индоевропейском понимается проще, если локализовать хетто-лувийский внутри общеиндоевропейского вблизи западной группы языков: кельт., герм., иллир., венет., латино-фаллиск., оскско-умбр. и тох.»³⁷. Последний безоговорочно присоединен к западноиндоевропейским диалектам, с которыми его контакты, согласно Камменхубер, были даже более длительными, чем у хетто-лувийского³⁸. Из рассматриваемых работ Камменхубер не совсем ясно, каким путем образовалось данное единство; видимо, подразумевается, что оно сложилось и функционировало, развивая общие инновации, достаточно долго после выделения из общеиндоевропейского сначала греческого и армянского, затем арийского³⁹, и продолжало существовать какой-то хронологический отрезок после отпадения хетто-лувийского, произошедшего, как уже писалось выше, неоправданно поздно⁴⁰. По Камменхубер, именно к этому периоду (III тысячелетие) относится самый древний пласт хеттских ареальных изоглосс, характеризующий его в качестве представителя западной индоевропейской диалектной зоны⁴¹.

Наряду с этим делается заключение, что до определенного момента нет ни одной достаточно авторитетной изоглоссы, связывающей хетто-лувийский с армянским⁴², как нет фактов, объединяющих его с греческим и армянским одновременно⁴³. Из многочисленных хетто-греческих эксклюзивных связей, предложенных Бонфанте (о чем см. выше), и с более строгим отбором в плане общих инноваций, — Порцигом⁴⁴, Камменхубер признает лишь одну-единственную специально греко-хеттскую изоглоссу, притом относимую к позднему индоевропейскому периоду: мультипликативный греческий суффикс *-ακις* — хетт. *-anki*⁴⁵. В отношении греческого подобный вывод не лишен вероятия. В целом же пространственная картина диалектного состояния индоевропейского в III тысячелетии вместе с относительной хронологической периодизацией вычленения отдельных диалектов, несмотря на ряд важных констатаций и интересных наблюдений, представляется в достаточной степени упрощенной и прямолинейной, многими пунктами соприкасающейся с различными модификациями родословного древа. Но коль скоро речь идет о выявлении простран-

³⁷ Камменхубер, 1961, стр. 69; 1969, стр. 346 сл.

³⁸ Литературу см. выше, в прим. 25.

³⁹ В этом, по ее собственному признанию, автор следует Шпехту и Краэ с его «древнеевропейской языковой общностью» (Камменхубер 1961, стр. 31, 70).

⁴⁰ Ср.: Камменхубер 1969, стр. 348.

⁴¹ Там же, стр. 347.

⁴² Камменхубер 1961, стр. 55, сл., 60.

⁴³ Там же, стр. 59.

⁴⁴ Порциг, 1954, стр. 279 сл.

⁴⁵ Камменхубер 1961, стр. 55, 60, 70.

ственной дистрибуции родственных диалектов, то необходимо считаться, по крайней мере, с двумя моментами: наличием диалектов переходной зоны еще в доисторическую эпоху, это имеет некоторую актуальность в случае с хеттским⁴⁶ и возможностью проникновения для отдельных языковых явлений через границы диалектных регионов, нарушая четкое разделение на западную и восточную зону и образуя более дробное разбиение ареального индоевропейского пространства. В этом пункте подход Порцига оказывается в большей степени правдоподобным и отражающим реальное состояние исследуемых фактов, ср., например, очень характерное для него рассуждение о медио-пассиве на *-r* как инновации, затронувшей одновременно восточные (хеттский, тохарский, фригийский) и западные (италийский, кельтский) языки незадолго до переселения хеттов в места исторического обитания⁴⁷, т. е. в один из последних периодов индоевропейского единства.

В соответствии с общей направленностью акцентировать западную диалектную ориентацию хетто-лувийского Камменхубер склонна в значительной мере преуменьшать возможность достоверных ареальных связей хетто-лувийского с арийской языковой областью в доанатолийский период, хотя и признает правомерность тезиса Порцига о наличии несомненных ареальных хетто-лувийско-арийских контактов, повлекших общие инновации в указанную эпоху, до переселения носителей обоих языков в Переднюю Азию через Кавказ⁴⁸, и допускает в принципе три потенциальные группы подобных соответствий из разряда лексикки, требующие, впрочем, тщательной проверки: 1) глаголы, не окрашенные какой-либо семантической спецификацией, типа *šeš-* 'спать' — др.-инд. *sas-* то же; 2) такие характерные «культурные слова, могущие восходить» ко времени контактов севернее Кавказа, как хетт. *turija-* 'запрягать, anschirren' — др.-инд. *dhur-* 'запряжка, Anschirrungswerk', хетт. *hišša-* 'дышло' — др.-инд. *iṣā* то же (для данных слов автор не исключает возможности независимого сохранения индоевропейского наследия); 3) ряд изолексов, возбуждающих вопрос, относить ли их за счет поздних контактов, либо они «скорее говорят о более раннем соседстве в индоевропейской прародине», например хетт. *arš(ija)-* = лув. *aršija-* 'течь' — др.-инд. *ārṣati* то же.

Наконец, на примере хетт. *gimmant-* 'зима' — др.-инд. *hemantá-*, содержащих распространенный и в других индоевропейских языках суф. *-ant* для обозначения времени, поры (ср. др.-в.-нем. *āband* при др.-инд. *āpara* 'позже'), что не исключает независимого морфологического параллелизма или указывает на

⁴⁶ Л. А. Гиндин 1971, стр. 47 сл.

⁴⁷ Порциг 1964, стр. 130 сл.

⁴⁸ Ср.: Порциг 1964, стр. 277.

языковой характер этих образований, автор делает вывод о невозможности для подобного разряда слов быть свидетельством раннеисторических контактов хетто-лувийского и арийского внутри индоевропейского⁴⁹, вопреки изложенному выше мнению Порцига.

Несомненным упущением концепции и исследовательской процедуры Камменхубер следует считать оставление вне поля зрения в значительной степени интересных и сравнительно многочисленных хетто(-лувийско)-арийско-греческих изоглосс на фоне вполне вероятного почти полного отсутствия убедительных хетто(-лувийско)-греческих, о чем уже писалось выше⁵⁰.

Резко негативную позицию по поводу возможности каких-либо лингвистических связей на протяжении всей доистории хеттского и арийского занимает М. Майрхофер, этимолог по преимуществу, один из наиболее видных, наряду с Камменхубер, исследователей реликтов языка арийцев в переднеазиатских клинописных памятниках.

Проведя в особой статье «Хеттский и арийский словарь» (см. Maughofer 1965b) сплошное обследование хетто-арийских изолексов, приводимых главным образом Порцигом, Камменхубер (в указ. соч.), Бенвенистом в монографии, посвященной хеттскому и в предшествующей ей статье⁵¹, Майрхофер пришел к категорическому заключению: «Не только отсутствуют решительные свидетельства (schlüssige Beweise) более близких контактов тех индоевропейских диалектов, из которых произошли хетто-лувийский и арийский, но нет также языковых показаний, подтверждающих кратковременную общность этих языков до появления в местах исторически засвидетельствованных, хотя бы в южно-русских областях»⁵². Однако этимологические рассуждения Майрхофера по поводу конкретных хетто-арийских изоглосс, в частности об упомянутых выше хетт. *šeš-*, *arš(i)a-*, *turiša-*, *hišša-*, а также о хетт. *ḷuga-* 'яро, упряжка', гесп. 'годовалый, одногодичный': др.-инд. *yuga-* 'яро, упряжка', гесп. 'отрезок времени' ('поколение'); хетт. *uarša-* 'дождь, роса (?)': др.-инд. *varṣá-* 'дождь', хетт. *tapašša-* 'лихорадка, жар (?)', вообще какая-то болезнь': др.-инд. *tapas-* 'жар' и некоторых других (см. подробно о лексеме *hišša-* во II части), — едва ли во всех случаях справедливы, так как он исходит, по нашему мнению, из априорного, хотя как будто на первый взгляд не лишнего ос-

⁴⁹ См.: Kammenhuber 1961, стр. 49—51; ср.: Kammenhuber 1959a, стр. 31 сл.

⁵⁰ Ср.: Gustmani 1968, стр. 46 сл.

⁵¹ См.: Benveniste 1962, 1954; Майрхофер в указанной статье во многих случаях опирается на свою обширную работу, содержащую много ценных наблюдений, опубликованную в связи с данной монографией Бенвениста (Maughofer 1964).

⁵² Maughofer 1965b, стр. 257:

нований предположения, что наличие сепаратных лексических связей между хеттским и арийским может быть только кажущимся, обусловленным утратами в словаре индоевропейских языков, письменно фиксированных значительно позже; мысль эта, по Майрхоферу, находит подтверждение в отсутствии правдоподобных общих хетто-арийских морфологических и синтаксических инноваций⁵³. Не говоря уже о младограмматическом подтексте подобного рассуждения, здесь совершенно не принимаются в расчет некоторые рациональные положения современной сравнительно-исторической индоевропеистики, в том числе диалектно-ареальная и хронологическая конкретность большей части индоевропейских реконструкций аффиксально-морфологического уровня в особенности, достигаемых посредством сравнения реально засвидетельствованных форм⁵⁴, и формульная символика многих «праиндоевропейских» основ и в меньшей степени корней. В качестве контраргумента правомерно привести, видимо, следующее наблюдение. Письменную фиксацию гомеровских поэм от первых письменных источников армянского отделяет 12 веков; если же учесть предшествующую устную традицию, то, по крайней мере для отдельных кусков поэтического текста, необходимо добавить еще около пяти столетий. Тем не менее греко-армянские исключительные соответствия в области словаря, по общему признанию, самые многочисленные, хотя в армянском индоевропейская лексика в значительной мере замещена заимствованиями⁵⁵. Пожалуй, еще показательнее пример относительно многочисленных сепаратных хетто-германских изолексов⁵⁶, потому что грамматических сколько-нибудь авторитетных изоглоссов между хеттолувийским и германским как будто не обнаружено⁵⁷. Подобно Камменхубер, Майрхофер совершенно не касается греко-арийско-хеттских соответствий в области словаря, полагая, видимо, что это несомненные архаизмы.

⁵³ Ma y r h o f e r 1965, стр. 245.

⁵⁴ Ср. из последних работ: И. М. Т р о н с к и й. Общенидоевропейское языковое состояние, стр. 84 сл.; И в а н о в 1968а, стр. 225 и др.; И в а н о в—Т о п о р о в 1960, стр. 21 сл.; G u s m a n i 1968, стр. 42.

⁵⁵ См.: G. R. S o l t a. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960 (особенно стр. 462); П о р ц и г 1964, стр. 230 сл.; ср. также мощный пласт арийско-армянских и греко-арийско-армянских лексических и морфологических общностей (Там же).

⁵⁶ См. тщательную сводку хетто-германских лексических инноваций: К а м м е н х у б е р 1961, стр. 62 сл.

⁵⁷ Порциг (П о р ц и г 1964, стр. 191) и Камменхубер (К а м м е н х у б е р 1961, стр. 59) отмечают лишь одну морфологическую изоглоссу, связывающую германский, вентский и хеттский: выравнивание аккузатива личного местоимения (и.-е. *mē) по номинативу, ср. вент. *eχo* : *теχo*, герм. (гот.) *ik* : *mik*. хетт. *uk* : *amuk*; впрочем, в хеттском процесс аналогии мог произойти независимо, ср.: Н. К г а h e. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954, стр. 121.

Самым решительным образом в поддержку тезиса Порцига о включении хеттского в восточную диалектную зону индоевропейского доисторического пространства недавно высказался итальянский хеттолог Г. Гусмани, подобно Майрхоферу, выступающий главным образом как этимолог. Специально доказательству этого положения посвящена его новая монография «Il lessico ittito» (Napoli, 1968). Суммируя в ней почти весь известный до настоящего времени сравнительный лексико-этимологический материал хеттского, Гусмани на фоне достаточной, по его мнению, архаичности хеттского словаря и его явной ориентированности на индоевропейские языки восточной диалектной области усматривает особенно тесные и глубокие ареальные связи хеттского, в противоположность отрицательному взгляду Майрхофера и отмеченному выше скептицизму Камменхубер, именно с арийским при очевидном преобладании хетто-древнеиндийских соответствий. Такое положение вещей сложилось, с точки зрения Гусмани, в результате одновременных и разнохарактерных, но неизменно интенсивных на всем протяжении индоевропейской доистории лингвистических (resp. этнических) контактов хетто-(лувийского) и арийского⁵⁸. Целиком опираясь на семантические критерии, автор рассматривает «центрально-западные» изоглоссы хеттского с итальянским, германским и балто-славянским как принципиально иные по своей природе, сложившиеся в рамках культурно-исторического койне, поскольку они реализуются в семантически строго ограниченных сферах религии (лексические общности с латино-оскско-умбрским ареалом) и возделывания почвы (схождения с германским и балто-славянским)⁵⁹. Наконец, подобающее место уделено хетто-арийско-греческим соответствиям, при почти полном отсутствии специфических хетто-греческих сравнений, — в определенных аспектах факт весьма показательный⁶⁰. Все это в определенной степени импонирует и нашим представлениям. Но достоверность результатов Гусмани существенно снижается тем, что он практически и, вероятно, принципиально не делает различия между инновациями и архаизмами, сознательно полагаясь на количественные показатели различных по природе лексико-морфологических тождеств⁶¹, явно преувеличивая их доказательную силу. Здесь автор в отрицании genuинных архаизмов впадает в противоположную Майрхоферу крайность, некритически восприняв, видимо, некоторые положения

⁵⁸ G u s m a n i 1968, стр. 51 и сл., 76 сл. и др. Констатируя превалирующие хетто-«санскритские» (в терминологии автора) отношения, следовало бы указать на относительную бедность, количественную и жанровую, иранских источников по сравнению с древнеиндийскими.

⁵⁹ Там же, стр. 75 сл. и др.

⁶⁰ Там же, стр. 46. См. еще: R. G u s m a n i. Isoglosse lessicali greco-ittite. — «Studi linguistici in onore di V. Pisani», I. Brescia, 1969, стр. 502—514.

⁶¹ G u s m a n i 1968, стр. 42, 76 и др.

работ В. Пизани, например, мысль об исключительной роли «протосанскрита», под которым последний подразумевает некий «протоиндоевропейский» язык, послуживший в качестве стандартного образца в процессе образования индоевропейского единства⁶² (Гусмани говорит прямо об особой роли санскрита в очень древнюю эпоху⁶³). На этом мы прервем несколько затянувшийся по необходимости обзор литературы и перейдем к рассмотрению фактов, имеющих непосредственное отношение к сформулированным выше задачам, заметив лишь, что столь значительная амплитуда в расхождении взглядов на диалектные и ареальные связи хеттского, безусловно, коренится в отсутствии четких критериев для разграничения инноваций и архаизмов, а также в различном взгляде на методологическую роль в ареальных исследованиях эксклюзивных соответствий как таковых, без уточнения упомянутых характеристик.

3. Изложение материала целесообразно начать с лингвистических фактов, относящихся к проблеме арийских вкраплений в языки Передней Азии именно в силу исторической конкретности этих фактов, выразившейся, в дополнение ко всему, в хронологической определенности. Кроме того, тщательная проверка большей части материала позволит до известной степени однозначно определить диалектную принадлежность переднеазиатских реликтов внутри арийских языков — вопрос существенно важный для уточнения абсолютной хронологии и пространственной (ареальной) характеристики членения индоиранской и соответственно индоевропейской общности в целом. Что же касается конкретно интересующей нас проблемы хетто-арийских ареальных отношений, то совокупный анализ арийских отложений в языках Передней Азии исторического периода, надо надеяться, даст возможность более узко истолковать хетто-арийские изолексы, находящиеся за рамками упомянутого слоя и уже поэтому представляющие для нашей темы факты особой важности.

Проблема переднеазиатских арийцев возникла приблизительно за три десятилетия до первых хеттских расшифровок Грозного. Начало научному подходу в исследованиях арийских языковых элементов, сохранившихся в переднеазиатских клинописных текстах, положил Г. Винклер, впервые идентифицировавший имена так называемых клятвенных богов из государственного договора между хеттским царем Суппилиумасом I и последним митанийским правителем Куртивазой с ведийскими богами *Mitrá-*, *Várúna-*,

⁶² См.: В. Пизани. К индоевропейской проблеме. — ВЯ 1966, 4, стр. 19; V. Pisani. Indogermanisch und Sanskrit. — KZ 76, 1—2, стр. 47 сл.; Он же. L'indo-européen reconstruit. — «Lingua» VII, 4, 1958, стр. 345 сл.; Он же. Entstehung von Einzelsprachen aus Sprachbünden. — «Kratylos» XI, 1—2, 1966, стр. 136 сл.

⁶³ G u s m a n i, стр. 78.

Índra-и-Násatyā (dual.)⁶⁴. Стех пор в этой области знаний накопилась огромная литература — аннотированный библиографический список Майрхофера включает более 700 работ с 1884 по 1965 г.⁶⁵ — тем не менее многие вопросы, связанные с данной и смежной проблематикой: этимологии отдельных апеллативов и довольно многочисленных антропонимов, более узкая языковая (диалектная) принадлежность, нежели простое указание на арийское происхождение, размеры арийского компонента, исходная территория и пути проникновения этих арийцев в район Ближнего Востока, — не получили окончательного решения и до настоящего времени вызывают острую полемику.

Переднеазиатский арийский лингвистический материал распадается на несколько частей, неравных по объему и доказательной силе.

А. Наиболее многочисленная, но по своей природе наименее поддающаяся однозначному этимологическому истолкованию группа личных имен, отмечена у представителей правящего слоя государства Митанни, в том числе тронные имена некоторых царей, — обстоятельство, с самого начала обратившее на себя внимание. Из 142 личных имен, которым когда-либо приписывалось в специальной литературе арийское происхождение, засвидетельствованных в аккадских и хурритских клинописных источниках митаннийских провинций Нуза, Алалах, Арапха и др., переписки митаннийского царя Тушратты с правителями Египта, сохранившейся в египетском дипломатическом архиве Эль Амарна, Майрхофер, произведя новую ревизию материала в специальной работе, для 114 личных имен признал возможным арийское толкование; среди них полсотни, по его мнению, с большой долей вероятности могут быть сведены к антропонимическому и апеллативному слою раннего ведийского⁶⁶, в полном соответствии

⁶⁴ H. Winkler. Verläufige Nachrichten über die Ausgrabungen in Boghaz-köi im Sommer 1907, 1. Die Tontafelfunde. — MDOG 35, 1907, стр. 51.

⁶⁵ См.: Ma y r h o f e r 1966, ср. рец. на эту книгу: А. К а т т е н-х у б е р. — ИФ, 72, 1—2, 1967, стр. 130—146. Между прочим, в отечественной литературе долгое время, кроме небольшого доклада Вяч. Вс. Иванова (см. И в а н о в, 1968), по данной теме имелись только краткие упоминания в нескольких работах, см.: И в а н о в—Т о п о р о в 1960, стр. 13—15; Т о п о р о в 1962, стр. 62—63; И в а н о в 1963, стр. 29—30; И в а н о в 1963а, стр. 128; И. М. Д љ а к о н о в. В кн.: «Всемирная история». М., 1955, стр. 316; Г. А. М е л и к и ш в и л и. Урартские клинописные надписи. М., 1960, стр. 12; И. М. Д љ а к о н о в. Предыстория Армянского нагорья. Ереван, 1968, стр. 29—30, 43—45.

Когда наша работа уже была целиком подготовлена к печати, появилась обширная статья И. М. Дьяконова «Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа» (ВДИ 1970, 4, стр. 39—63), написанная в связи с монографией Камменхубер (К а т т е н х у б е р 1968); по возможности соображения и факты, содержащиеся в труде И. М. Дьяконова, приняты во внимание и учтены.

⁶⁶ См.: М а у г h o f e r, 1965, стр. 148, 150, 160; ср.: Д љ а к о н о в 1970, стр. 55.

с этимологическим анализом ниже рассматриваемых арийских вкраплений имен нарицательных и имен богов, сохранившихся в хеттских и хурритских (аккадских) клинописных текстах. При всех трудностях, с которыми сопряжена этимологическая интерпретация антропонимов вообще, к тому же записанных клинописью, плохо приспособленной к передаче фонемного состава арийских слов⁶⁷, имеются удивительно точные совпадения переднеазиатских арийских личных имен с ведийскими, хорошо толкуемыми на почве древнеиндийского словаря. Здесь полезно указать следующие⁶⁸.

Artatama (*ar-ta-ta-[a]-ma*, Эль Амарна, — Knudtson 1915 II, стр. 1557) — один из царей Митанни, ср. ригвед. *ṛtasya dhāma* (RV, I, 123, 9; X 124, 3), Samh. *ṛtā-dhāman-* 'обитающий в Ṛta- ~ святом законе'. Полный эквивалент переднеазиатскому имени представляет более позднее скр. эп. *Ṛtādhamā* — эпитет Вишны и Индры, встречающийся начиная с Рамаяны⁶⁹. Подобным же образом толкуется царское имя *Artaššumara* (*ar-ta-aš-šu-ma-ra*, Эль Амарна, — Knudtson 1915 II, стр. 1157, в текстах Алалаха также *ar-ta-šu-ma-ra* — Wiseman 1931, стр. 129), возможно, восходит к др.-инд. **Rta-smara-* 'чтящий (помнящий) Ṛta ~ святой закон', ср. ригвед. *smar-* 'помнить'⁷⁰.

Parsašatar (*pār-/bar-sa-ša-tar*- печать из Нузы и др., — Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 112, ср. чтение *bar-/pār-sa-ta-tar* — Kammenhuber 1968, стр. 63 и др.; Дьяконов 1970, стр. 48 — оба вслед за А. Гетце (A. Goetze — JCS 11, 1957, стр. 67)) — отец владельца печати, митаннийского царя, засвидетельствованного около 1450 г., по имени *Sa-uš-ta-at-tar* (упомянутая печать из Нузы), *Sa-uš-sa-ta-at-tar* (Алалах), *Sa-uš-ša-tar* (Богазкёй) — относительно всех трех чтений см. в литературе, указанной при предыдущем

⁶⁷ Так, Майрхофер в качестве примера приводит пять, кроме своего, равновероятных толкований имени митаннийского царя *Tušratta* (кл. *T/Du-uš-rat-ta* и *Tu-iš-e-rat-ta*); сам же Майрхофер предпочитает сравнение с ригвед. композитом *iveṣā-raiha-* 'тот, чья колесница несется неудержимо' (RV, V, 61, 13), ср. во многих гимнах раздельное употребление компонентов — *rāthah...* *iveṣah* (Maurohofer 1959, стр. 79; 1965, стр. 152); ср.: Kronasser 1963, стр. 142; ср: Kammenhuber 1968, стр. 81; Дьяконов 1970, стр. 49.

⁶⁸ Из многочисленной литературы по арийской ономастике Передней Азии см.: Knudtson 1915; Gelb—Purves—MacRae 1953; Wiseman 1931; Dumont 1947; Brandenstein 1948; Kronasser 1957; Maurohofer 1959, 1960, 1965, 1966; Hauschild 1958, стр. 87 сл.; 1962, стр. 14 сл.; Burrow 1955, стр. 27; Kammenhuber 1968, стр. 156 сл. и др.; Дьяконов 1970, стр. 48 сл. и др.

⁶⁹ Dumont 1947, № 13; Maurohofer 1965, стр. 151; Maurohofer Wb. I, стр. 122; II, стр. 99; ср.: Hauschild 1958, 1962, стр. 14.

⁷⁰ Grassmann, стб. 1614; к реконструкции данного переднеазиатского имени см.: Hauschild 1958, 1962, стр. 14; Maurohofer 1965, стр. 164; ср.: Kammenhuber 1968, стр. 178; Дьяконов 1970, стр. 48; о возведении компонента *Arta* и в целом *Arta-* личных имен к др.-инд. *Ṛta-* антропонимам см.: Maurohofer 1965, стр. 159 сл.

имени, а также Maughofer 1965, стр. 152; Maughofer 1966; стр. 30. *Parsašatar* обычно возводится к праиндоар. **prša-kšatra* = др.-инд. **puruša-kšatra* 'осуществляющий господство над людьми', ср. ригвед. *pūruša* 'человек и пр.'⁷¹, *kšatrā* 'господство, власть' = авест. *ḥšaḥrəm* то же⁷². Правдоподобие реконструкции снижается отсутствием реального ономастического композита или поэтического словосочетания в Ригведе. Возможна идентификация с ригвед. *pra-śāstār* 'наставник, руководитель' (обозначение жреца)⁷³, *gesp.* 'повелитель' = авест. *fra-sāstar* 'повелитель'⁷⁴.

Bartašva (*bar-ta-šu-a*, *-zu-a*, *-šu-ú-a* и пр., Нуза, — Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 112) — личное имя, содержащее, вероятно, др.-инд. *áśva* 'лошадь, конь', по всей видимости, из индоар. **ohṛta-áśva*-, ср. ригвед. *sám-bhṛtāśva* 'обладающий снаряженным конем', букв. 'с снаряженным конем' (эпитет Индры) (RV VIII, 34, 12)⁷⁵.

Birīāšṣuṣa (*bi-ri-īa-aš-šu-ṣa*, Алалах, — Wiseman 1931, стр. 132) — личное имя, отражающее, по-видимому, индоар. композит **priy-āśva* 'имеющий любимых лошадей', т. е. 'любитель лошадей'; на потенциальную реальность данной реконструкции указывает прежде всего продуктивность основы *priyā*- 'любимый, приятный, желаемый', 'такой, какой хотелось бы' в образовании сложных слов типа кармадхарайа, нередко выступающих в качестве личных имен. ср. *Priyā-ratha*- 'имеющий любимые (желаемые) колесницы' из той же семантической сферы и др.⁷⁶, затем типологически сходное сочетание упомянутого *priyā*- с *hāri*- 'буланный конь, feuerfarbenes Ross'⁷⁷ (RV X, 112, 4; V, 43, 5; IX, 50, 3), ср. словосложение *hāripriya*- 'любящий буланных (лошадей)' по отношению к Индре (RV III, 41, 8); в греческом рассмотренному переднеазиатскому антропониму соответствует φ/Φίλιππος 'любитель лошадей'.

Biridašva (*bi-ri-da-aš-ṣa*, Эль Амарна, — Knudtzon 1915, стр. 1559) — личное имя, также представляющее собой характерный для индоарийцев *áśva*-композит, содержит в первом компоненте страдательное причастие прош. вр. *prītā*-, подобно *priyā*-, образованное от глагольной основы *prī*- 'радовать и пр.', *gesp.* 'заботиться, ухаживать', ср. следующие отрезки текста Ригведы: *vājī nā pritāh* 'как (хорошо) ухоженный конь' (RV I, 66, 4; 69, 5);

⁷¹ Grassmann, стб. 833; ср.: Maughofer Wb. II, стр. 312.

⁷² Grassmann, стб. 361; ср.: Maughofer Wb. I, стр. 284.

⁷³ Grassmann, стб. 882.

⁷⁴ Maughofer Wb. II, стр. 353.

⁷⁵ Maughofer 1965, стр. 156; прочие толкования, тоже на почве индоар. языков, в связи с различной интерпретацией первой части см.: Maughofer 1959, стр. 83, прим. 31; ср.: Dumont 1947, № 8, 7, вслед за ним Burrow 1955 (стр. 27): возводится к **Vārdhāśva*- 'сын Vṛddhāśva-', при идентификации последнего с нижеавализируемым *Biridašva* в значении 'владеющий мощным конем'.

⁷⁶ Grassmann, стб. 891.

⁷⁷ Grassmann, стб. 1648.

vājīn- 'сильный, быстрый и пр.', субстантивированно 'конь и пр.'⁷⁸; *āśvān prī-* 'ухаживать за лошадей', в форме императива *prīṇītāśvān* (RV X, 101, 7). Таким образом, для *Biridaśya* можно с достаточной вероятностью реконструировать индоар. праформу **prita-āśva* ('хорошо ухаживающий за лошадей', 'обладающий (хорошо) ухоженной лошадей' и пр.; его аналог в германских языках — др.-англ. *frid-hengest* '(хорошо) ухоженная лошадь', в авестийском, но с другим причастным суффиксом — личное имя *Frīnāspa* с той же внутренней семантической формой; ср. также др.-перс. (ахеменидское, Персеполи) *Pirriyašba*⁷⁹.

Как уже говорилось выше, особенности клинописной передачи и собственно лингвистическая специфика антропонимии не накладывают жестких ограничений в выборе правдоподобных толкований. Однако достоверность данной интерпретации последних трех имен, подобно выше рассмотренному *Artatama*, значительно усиливается соотносительностью их реконструкций с цельными оборотами (отрезками) поэтического текста Ригведы.

Birīaṇaza (*bir-īa-ṇa-za* и пр., Уне) < **priya-vāja-*, со вторым компонентом, идентичным ригвед. *vāja-* (**važa-*) 'победоносная сила, мощь; быстрота (лошади) и пр.'⁸⁰; толкование первой части см. выше⁸¹. В целом композит может быть истолкован 'обладающий желаемой мощью, гспр. быстротой'⁸².

Та же соотносимая с ригвед. *vāja-* вторая основа вычлняется в личном имени *Šattaṇaza* (*ša-at-ta-ū-a-za* и пр., Нуза, — Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 127) < **sāta-vāja*, где первую часть правомерно поставить в соответствие с ригвед. страдательным причастием прош. вр. *sāta-* от глагола *sā-*, *san-* 'достигать, приобретать, дарить', особенно часто сочетающегося с *vāja-* в значении '(богатая) военная добыча, награда, богатство и пр.'⁸³; отсюда в целом переднеазиатский антропоним может быть интерпретирован 'захвативший (получивший) богатую военную добычу', 'богатодобычный'. Ригведа сохранила аналогичные сложения: *vāja-sāti-* 'получение военной добычи', *vāja-sāni-*, *vāja-sā-* 'получивший (богатую) добычу и пр.'⁸⁴. Клинописная графика, не различающая долгих и кратких гласных, допускает и другое объяснение *šatta-*

⁷⁸ Grassman, стб. 1254.

⁷⁹ Специально о *Birīaššura* и *Biridaśya* см.: Maughofer 1960, стр. 140; об ахеменидском антропониме в этой связи см.: M. Maughofer. Zu den neuen Iranier-Namen aus Persepolis. — «Studia classica et orientalia A. Pagliaro oblata», III. Roma, 1969, стр. 111.

⁸⁰ Grassmann, стб. 1250; Maughofer Wb., Lief. 20, стр. 182.

⁸¹ Основу *Birīa-* в личных именах *Birīaṇaza*, *Birīazzana*, *Birīaššura* объясняет из др.-инд. *priyā-* уже Бранденштайн (Brandenstein 1948, стр. 136 сл., 141 сл.).

⁸² Ссылки на соответствующие поэтические фигуры в Ригведе и Авесте см.: Maughofer 1959, стр. 82, прим. 25.

⁸³ См.: Grassmann s. v. *san-* (стб. 1465).

⁸⁴ Grassmann, стб. 1254.

цаза как 'стосильный' на почве полностью совпадающего, при краткостном чтении первого слога, ригвед. *śatá-va-ja* 'представляющий, гесп. имеющий стократные силы' (RV IX, 96, 9 и др.)⁸⁵.

К тому же типу сложений со вторым компонентом, сопоставимым с ригвед. *vāja-*, принадлежит имя соперника Артатамы — царя *Kurtiya-za*, в менее верном чтении *Mattiya-za*⁸⁶.

Наряду с основной *-caza* ~ др.-инд. *vāja-*, ср. лат. *vegeo*, большую важность для абсолютной хронологизации возникновения сатемной изоглоссы составляет компонент *-zana* ~ др.-инд. *jāna-* 'человек', гесп. 'род, племя', др.-перс. (мидийск.) (*vispa*)-*zana* '(все) племена'⁸⁷, ср. лат. *genus*, греч. γένος и пр., наличествующий в *Birjazzana* (*bi-ri-az-za-na*, Нуза, — Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 115) < **priya-jana* 'происходящий из хорошего (букв. того, которого следует желать) рода', 'желаннорожденный' ~ греч. Φιλογενής, ср. др.-инд. *priya-jata-* 'желаннорожденный' (Grassmann, s. v.). Интерпретация этих основ свидетельствует, что до проникновения арийцев в Переднюю Азию, по меньшей мере в начале XVI в., — как будет видно по мере изложения, это были, по всей вероятности, индоарийцы — процесс сатемизации уже охватил арийские языки⁸⁸. Основа *-zana* также в личном имени **Uragazzana*⁸⁹.

Элемент *-(a)tti*, встречающийся в ряде имен из Нузы и Алалаха: *Aš-šu-ra(-at)-ti* (Wiseman 1931, стр. 130), *Bi-ri-a-at-ti* (Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 115), *Ma-ri-a-at-ti* (Wiseman 1931, стр. 141); *Su-ya-at-ti* (Wiseman 1931, стр. 147), *In-ta-ra-at-ti* (Lacheman 1958, стр. 125, № 420, 6), *Mi-it-ta-ra-at-ti* (Gelb—Purves—MacRae 1943, стр. 98), *Su-rt-a-at-ti* (Wiseman 1931, стр. 147) и др. — в определенной части может быть удовлетворительно истолкован, подобно некоторым другим, также на почве древнеиндийского (ведического) языка. Выступая обычно вторым компонентом, *-atti* сопоставимо с вед. *ātithi-* 'странник, гость'⁹⁰ < **at̥athi*; вокализация *ṛ* — лишь индийская инновация, в противоположность авест. *asti* из той же самой праарийской формы⁹¹. Укороченная клинописная транслитерация индоарийск. *-āt̥thi-*, возможно, вызвана влиянием хур-

⁸⁵ К интерпретации см.: Burrow 1955, стр. 27; Maughofer 1959, стр. 81, сл.; 1965, стр. 152.

⁸⁶ Güterbock 1956, стр. 124, прим. 18, где реконструируется **krti-vāja-*; Майрхофер указывает на возможность связи с ригвед. *gūrtá-vasas-* (Maughofer 1965, стр. 154, прим. 32); см. еще: Thiemé 1960, стр. 306, прим. 17; Kammenhuber 1968, стр. 81 и др.; ср.: Burrow 1955, стр. 27; Brandenstein 1948, стр. 137.

⁸⁷ Grassmann, стр. 28 сл.; Maughofer Wb. I, стр. 27.

⁸⁸ Ср.: Порциг 1964, стр. 116.

⁸⁹ См. подробнее: Brandenstein 1948, стр. 139; ср.: Maughofer 1965, стр. 149.

⁹⁰ Grassmann, стб. 28 сл.; ср.: Maughofer Wb. I, стр. 27.

⁹¹ Ср.: Wackernagel—Debrunner II, 2, § 538, 186b, a.

ритского суф. *-(a)tti*, ср. *ḌIṢṬĀR-atti* и пр.⁹² В то же время первые компоненты перечисленных выше имен формально-семантически без каких-либо натяжек идентифицируются с ригвед. *āsura-* 'живой, духовный (о богах)', субстантивировано 'дух, бог'⁹³; *priyá-* 'любимый, приятный' (см. выше), ср. *priyá- átithi-* (RV V, 1, 9) 'желанный гость', авест. *frya- asti-*; *mārya-* 'молодой человек, герой', ср. апеллатив *marīa-nni* 'колесничий'⁹⁴ (см. ниже); *sú-* 'прекрасный, хороший и пр.'⁹⁵; *Índra-*, *Mitrá-*, *Sūrya-* — теофорные основы, о которых ниже подробнее; к самостоятельному употреблению в переднеазиатских памятниках ср. *In-ta-ra* (Нуза, — Lacheman 1958, стр. 11, № 18 b), *Mi-it-ra* (Угарит, — Nougayrol 1956, стр. 247)⁹⁶.

Следует особо выделить переднеазиатские личные имена, совпадающие с ведийскими на антропонимическом уровне: упомянутое *Mittaratti*—ригвед. *Mitrātihi* '≈ гость, угодный Митре' (RV X, 33, 7), что в свою очередь существенным образом усиливает правдоподобие изложенной выше интерпретации всей группы имен на *-atti*; затем *Indaruta* (*en-dar-ū-ta*, *in-tar-ū-da*, Акшап)—ригвед. *Indrotá-*, *Indra-ūtá-* 'покровительствуемый Индрой', *ūtá-* — страдательное причастие прош. вр. от глагола *av-* 'способствовать, содействовать, поддерживать'⁹⁷; активное причастие настоящего времени от того же глагола, возможно, в митаннийском личном имени *Uyantt-i* (дат. п.)⁹⁸; *Šubandu* (*šu-ba-an-du*, *-di*, Палестина) —ригвед. *Subāndhu-* 'имеющий благородное родство' (RV X, 59, 8; 60, 7)⁹⁹.

В текстах из Алалаха встречается несколько одноосновных личных имен, полно соответствующих ведийскому по линии ономастики и апеллативной лексики (см. Wiseman 1953, s. vv.). *Šupra* (*šu-up-ra*), возможно, — ригвед. *subhrá-* 'блестящий, красивый', в более поздних текстах так же как личное имя; *Zitra*

⁹² См.: Камшенхубер 1968, стр. 169 сл., где хурр. *-atti* усматривается и в анализируемых нами именах; ср.: Дьяконов 1970, стр. 55.

⁹³ Grassmanп, стб. 155; ср.: Maughofer Wb. I, стр. 65. Впрочем, см.: Камшенхубер, 1968, стр. 92 и др.; Дьяконов 1970, стр. 55, прим. 78: о туземном (хурритском или аккадском) происхождении *Aššuratti* от имени аккад. бога *Aššur* и пр.

⁹⁴ Grassmanп, стб. 1010 сл.; ср.: Maughofer Wb. II, стр. 596 сл. О связи *marīanni* и соответственно *Mariatti* с урарт. основой *mari-*, обозначающей одну из высших групп царских служащих, см.: Камшенхубер, стр. 222 сл.; Дьяконов 1970, стр. 58 сл., ср. также ниже, прим. 217, где ссылка на Э. А. Грантовского, категорически утверждающего арийское происхождение *marīanni* и пр.

⁹⁵ Grassmanп, стр. 1526.

⁹⁶ Об именах на *-atti* см.: Maughofer, 1965, стр. 155; специально, но еще с возведением к индоиранскому слою см.: Maughofer 1960, стр. 138 сл.; ср.: Maughofer 1959, стр. 82 сл.; ср. также: Камшенхубер 1968, стр. 168 сл. и Дьяконов 1970, стр. 55.

⁹⁷ Grassmanп, стб. 217; Maughofer Wb. I, стр. 89.

⁹⁸ Brandenstein 1948, стр. 139; Maughofer Wb. I, стр. 57.

⁹⁹ Grassmanп, стб. 1542. Об этой группе имен см.: Maughofer 1965, стр. 150.

(*zi-it-ra*)—ригвед. *citrá-* 'блестящий, светлый, сияющий', *Citra-*, имя одного из царей в Ригведе¹⁰⁰, ср. в сложении *Zi-it-ri-ia-ra*¹⁰¹ и др.; *Satvāna* (*ša-tu-ya-na*), *Satvā* (*Ša-tu-ya*)—ригвед. *sátvan-*, *satvaná-* 'отважный', 'доблестный воин'¹⁰²; *Tugra* (*tu-ug-ra*)—ригвед. *Túgra-*, личное имя, в частности одного из врагов Индры¹⁰³, и др.

Однако на почве одних личных имен, сколь ни красноречив приведенный выше этимологический материал, затруднительно с достаточной убедительностью доказать индоарийское происхождение арийских отложений в языках Передней Азии и соответственно в языке господствующей прослойки государства Митанни, во-первых, по причине общей специфики ономастических фактов, к тому же дошедших в многозначных клинописных передачах, и, во-вторых, из-за наличия соответствий многим переднеазиатским антропонимическим основам в апеллативной и ономастической лексике Авесты и других иранских лингвистических источников. Последнее неизбежно влечет за собой возможность иных объяснений, в частности возведение к какой-то диалектной разновидности нерасчлененного праарийского (индоиранского), — обстоятельство, сохраняющее свою силу и при этимологизировании арийских апеллативных вкраплений в переднеазиатских клинописных текстах¹⁰⁴. Впрочем, здесь уместно напомнить весьма здравое суждение Тиме: «Интерпретация арийских имен часто конъектурна, но нет таких случаев, чтобы нельзя было признать их индоарийское или древнеиндийское происхождение»¹⁰⁵.

В этих условиях наибольшей достоверностью в смысле индоарийской принадлежности (с определенными дефинициями) переднеазиатских арийских лингвистических фактов, в силу некоторых моментов, которые станут ясны из последующего, обладают имена богов в их контекстно-функциональном употреблении и отдельные апеллативы, засвидетельствованные в хеттских и аккадских (хурритских) клинописных памятниках. Более того, относительно удовлетворительные результаты могут быть достигнуты лишь как следствие единого подхода к проблемам, связанным с филолого-этимологическим анализом переднеазиатских арийских

¹⁰⁰ Grassmann, стб. 452.

¹⁰¹ Относительно возможных толкований *Zitriāra* см.: Maughofer 1959, стр. 81, прим. 19 (с литературой).

¹⁰² Grassmann, стб. 1455.

¹⁰³ Grassmann, стб. 538. О всей группе имен см.: Maughofer 1960, стр. 142.

¹⁰⁴ Ср. аргументацию, методику и подобный вывод в работах Майрхофера до 1961 г. и в трудах Камменхубер, неизменно защищающей тезис об «Urarisch»=«Ur-Indo-iranisch» относительно переднеазиатских лингвистических реликтов, с некоторыми допущениями в сторону их индоарийской диалектной ориентированности (Kammenhuber 1961a, стр. 18; 1968, стр. 234 сл. и др.).

¹⁰⁵ Thieme 1960, стр. 302.

личных имен, имен богов и апеллативов, когда выбор частных решений в одном разряде фактов в немалой степени зависит от односторонне интерпретируемых явлений в смежных группах.

Б. Среди имен многочисленных богов хурритского и хеттского пантеона несколько, как уже писалось выше, полностью совпадают с именами богов, известными из арийских источников, и прежде всего из Ригvedы, не считая уже рассмотренных и оставшихся за пределами нашей работы теофорных личных имен.

Так, в Богазкёйском архиве сохранились тексты двух взаимных версий упоминавшегося выше договора между хеттским царем Суппилулиумасом I и последним митаннийским царем Куртивазой (интерпретацию имени см. выше), составленных на аккадском языке около 1350 г. Оба текста в ряду хурритских «клятвенных» богов, по обычаю употребляемых в договорах, содержат, причем в заключительной группе, следующие четыре имени, которые приводятся здесь в транскрипции Э. Вайднера с применением шумерских идеограмм, принятых в хеттской графике.

DINGIR^{MEŠ} *Mi-it-ra-aš-ši-il* [-el] DINGIR^{MEŠ} *Ū-ru-ṣa-na-aš-ši-el*
^D*In-dar* DINGIR^{MEŠ} *Na-ša-a* [*t-ti-ia-a*]-*n-na* — хетто-митаннийская версия (Weidner BoSt, стр. 32, стк. 55—56) и с некоторыми вариациями: DINGIR^{MEŠ} *Mi-it-ra-aš-ši-il* DINGIR^{MEŠ} *A-ru-na-aš-ši-il* ^D*In-da-ra* DINGIR^{MEŠ} *Na-ša-at-ti-ia-an-na* — митаннийско-хеттская версия (Weidner BoSt, строка 54, стк. 41). Основы трех имен богов в данных цитатах: *Mitra-ššil* (-ššel), *Indar=Indra*, *Našattiṣa-na* — представляют собой точный эквивалент ведийским *Mitrá-*, *Índra-*, *Násatyā* (dual.). Значительные трудности формального порядка сопряжены с идентификацией четвертого клинописного имени серии «клятвенных» богов — *Ūruṣana-ššel=Aruna-ššil* и вед. *Váruṇa-*, хотя их тождество признается подавляющим большинством специалистов¹⁰⁶. Предложено несколько объяснений клинописного написания *ŷ-ru-ṣa-na*, как-то: равнозначность транскрипций клинописных знаков для *u*, *ú*, *ṣa* при возможном сокращении (чередовании?) -(*u*)*ṣa* в *u*, ср. хетт. *laḫṣuṣai: laḫṣi*, resp. *laḫḫuṣatin: laḫḫutin*¹⁰⁷, произвол писца, истолковавшего последовательность *Váruṇa* через клинописное *uruṣana*¹⁰⁸. К сожалению, ни одно из этих объяснений в отдельности нельзя признать достаточно убедительным. По-видимому, в деформированности клинописной передачи повинен весь комплекс отмеченных обстоятельств; усугубленный чуждостью арийских богов в хурритском пантеоне, ставших ко времени заключения договора (1350 г.) уже анахро-

¹⁰⁶ Обширный список старой литературы по поводу указанной идентификации см.: Weidner BoSt, стр. 32, прим. 2; исчерпывающая библиография: Maughofer 1966. Против последнего отождествления: Дьяконов 1970, стр. 56 сл.

¹⁰⁷ Friedrich 1960, § 17a; Дьяконов 1970, стр. 53, прим. 72.

¹⁰⁸ Ср.: A. Goetze u Thieme 1960, стр. 303, прим. 9.

низмом. Напомним также, что рассматриваемый контекст — единственное упоминание арийских богов в многочисленных хурритских памятниках. Вариант *A-ru-na* также обусловлен, видимо, попыткой осмыслить (возможно, прояснить) человеком, писавшим митаннийско-хеттскую версию договора, затемненное в силу упомянутых причин имя бога *Váruṇa-*, либо поставив его в связь с хетт. *aruna-* 'море; редко в качестве бога моря' (в Ригведе *Váruṇa-* часто ассоциируется с водой, и особенно с морем)¹⁰⁹, либо расленив нижеанализируемый дуалис двандва-композиата *Mitrāvāruṇā* на два самостоятельных дуалиса: **Mitrāu* и **Aruṇā*¹¹⁰. Однако какие бы ни выдвигать объяснения клинописным модификациям индоар. *Váruṇa-*, в их тождестве нас убеждают прежде всего отмеченные в свое время Дюмезилем два стиха Ригведы (RV X, 125, 1 bc), являющиеся почти полным структурным и функциональным аналогом цитированным клинописным сериям имен богов, и «канонический» порядок их упоминания в обеих версиях хеттско-митаннийского договора в полном соответствии с иерархической лестницей ведийского пантеона и индоевропейского в целом (аналогично «трехчленной структуре» идеологии, реконструируемой Дюмезилем)¹¹¹.

В указанном месте Ригведы от имени Великой богини Речи (*Vāc Ambhṛiṇī*), которая воспеваает свое могущество в 125-м гимне, говорится: *ahām mitrāvāruṇobhā bibharmy ahām indrāṅt ahām aśvīnobhā* 'я (богиня *Vāc*) несу (на себе, в себе, или поддерживаю)¹¹² обоих Митру и Варуну, я [несу] Индру-Агни, я [несу] обоих Ашвинов'. Подобие переднеазиатской и ведийской серии имен богов станет еще очевиднее, если учесть, что *Nāsatyā* — синоним *Aśvīnā*, а композит двойственного числа *Indrāṅt* мог быть употреблен для образования формально-грамматического параллелизма всех членов внутри ведийской группы богов¹¹³.

Независимо от того, воспринимать ли идеограмму DINGIR MEŠ (мн. ч.), предвещающую формы *Mitraššt/el*, *Ūruṇanaššel* = *Arunaššil*

¹⁰⁹ Thieme 1960, стр. 303; ср. Kognasse 1963, стр. 142; Lagocha 1947, стр. 72 (с литератур.); Kammhuber 1968, стр. 141 (с литератур. в прим. 436), 148, 184; влияние со стороны хетт. *aruna-* не исключает и Дьяконов (1970, стр. 53). Относительно точки зрения Кречмера, ошибочно принимающего данное аккадское написание за первичную форму из хетт. *Aruna-*, см. ниже, прим. 129 и др.; ср. примыкающую в какой-то мере к идее Кречмера гипотезу Иванова (1968, стр. 389 сл.).

¹¹⁰ Thieme 1960, стр. 303.

¹¹¹ См.: Dumézil 1945, гл. 1; 1947, стр. 125 сл.; 1948, стр. 77; 1952, стр. 9 сл., 14; 1961, стр. 272 сл., и другие работы; Thieme, 1960.

¹¹² Тиме предлагает возможный перевод *bibharmi* также 'я несу [в своем чреве]', полагая, что упомянутые здесь боги, выступая в функции охранителей договора (имеется в виду и митаннийский договор) могут рассматриваться в Ригведе как дети богини Речи или существа, зависимые от нее (Thieme 1960, стр. 316, 303); судя по контексту всего гимна, в такой конъектуре нет необходимости.

¹¹³ Ср.: Thieme 1960, стр. 303.

и *Našattianna* в качестве графического детерминатива¹¹⁴, либо признать за ней самостоятельную лексическую значимость¹¹⁵, употребление множественного числа в противоположность единственному числу DINGIR при *Indar=Indara* следует, по всей вероятности, отнести за счет стремления передать средствами аккадского языка, на котором составлен договор (впрочем, оформление имен могло быть и хурритским), идею парности, заключенную в дуалисе специфического индоарийского двандва-композиата *Mitrāvāruṇā*, наличествующего в цитированном отрывке, как и вообще во многих местах Ригvedы, см., например, RV I 122, 6, 15; 137, 1, 3; 152, 1, 7 и др.; ср. еще дуалис *Indravāruṇā* (RV III 62, 1—3 и др.), *Indranāsatyā* (RV VIII, 26, 8) и т. п. Особенно показательна идеограмма мн. числа DINGIR^{MEŠ} перед *Našattianna*, поскольку вед. *Nāsatyā* были братьями близнецами, подобно греч. Δίαχοιροι, с внутренне присутствующим дуалисом. Идея множественности, заключенная в органическом дуализме Насатьев, кроме того, выражена в клинописном *Na-ša-at-ti-ia-an-na* хурритским элементом *-na* — по Дьяконову, суффиговый определенный (постпозитивный) артикль мн. числа¹¹⁶; по Тиме, указательная (определяющая) частица мн. числа¹¹⁷; различная трактовка *-na* сути не меняет, так как разница здесь терминологическая¹¹⁸.

Интерпретация *-ššel/-ššil* связана с значительно большими затруднениями по той причине, что в точно такой форме этот элемент не встречается ни в аккадском, ни в хурритском. Попытка Фридриха истолковать его в качестве связанного каким-то образом с хурр. *šin* 'два' грамматического показателя, присоединенного к индоарийским формам для обозначения двойственного числа каждого имени в отдельности из состава ведийского двандва-композиата *Mitrāvāruṇa* наталкивается на отсутствие такового в случае с *Nāsatyā*, отражающем не только грамматический, но и семантический дуалис.

Более продуктивным представляется подход Гетце и Дьяконова, рассматривающих последовательность *ššel/ššil*: первый — как цепь суффиксов: DINGIR. MEŠ *Mitra-š* (множественное неопределенное, 'Митра-боги'; именно к этому комплексу детерминатив); — *Mitra-šše* < *Mitra-š-we* (род. п., являющийся фактически поссессивным

¹¹⁴ Friedrich 1948, стр. 314; Thieme 1960, стр. 304 (с литератур.); Goetze у Тиме (Thieme 1960, стр. 305); видимо, Kammhuber 1968, стр. 149, 195.

¹¹⁵ Weidner BoSt, стр. 32, 33, стк. 55 сл., стр. 54, 52, стк. 41; судя по транскрипции и переводу; Дьяконов 1970, стр. 52 с прим. 66.

¹¹⁶ Дьяконов 1970, стр. 52, прим. 71; там же об удвоении *-n-*; ср.: Kammhuber 1968, стр. 77 и др.

¹¹⁷ Thieme 1960, стр. 304, со ссылкой на Speiser InH, стр. 101 сл.

¹¹⁸ Ср.: Дьяконов 1967, стр. 137—139.

прилагательным 'относящийся к Митра-богам'); — *Mitra-šše-l* (-l после выпадания (a)n < šan в аккадском контексте; аккумулятив, 'некие (неопределенно) относящиеся к Митра-богам')¹¹⁹, второй — как цель грамматических и лексико-грамматических показателей: элемент -(a)šše- (его аналитическая транскрипция [-ašše-] — фонетическая реализация род. п. мн. ч. **aš-we*) + окончание -l вместо -lla — хурритская местоименная связка мн. ч.¹²⁰, либо вместо митаннийского хурритского *lla-n*, с опущением -an в аккадском переводе, принятым писцом за энклитический союз¹²¹. В итоге обе интерпретации обеспечивают весьма близкий перевод интересующий нас клинописной записи: (Гетце) «[Gods] belonging to (accompanied by) god Mitra, gods belonging to (accompanied by) god Varuṇa [in particular:] god Indra, the gods Nāsatyā»¹²²; при этом Гетце и Тиме усматривают эквивалент такому толкованию клинописного написания с -ššel/-ššil в ведийском *haraḥ* (RV VIII, 35, 13) *Mitrā-Varuṇavantā... Aśvīnā* (= *Nāsatyā*) 'Ашвины сопровождаемые (accompanied by, у Гельднера — *begleitet*) Митрой и Варуной'; (Дьяконов) '(из) митриных они суть; боги (из) урвановских они суть; Индра; Нашатъи»¹²³.

В цитированной статье «Арийские боги митаннийских договоров», имевшей большой резонанс и значительно усилившей аргументацию в пользу индоарийского происхождения арийских заимствований в языках Передней Азии¹²⁴, Тиме подверг тщательному анализу всю совокупность проблем, связанных с параллелизмом рассмотренных клинописной и ведийской серий богов. Опираясь большим материалом Ригvedы, он показывает неслучайность, с точки зрения ведической религии, выбора данных индоарийских богов при скреплении митаннийского договора¹²⁵ (о «каноническом порядке» их упоминания см. выше).

Для доказательства индоарийского тезиса существенно важно, что только Митра в функции охранителя договора может быть возведен к общеарийскому состоянию¹²⁶, ср. др.-инд. *Mitrā-* 'бог Митра' ~ *mitrā-* 'договор и пр.' = авест. *Miθra-* ~ *miθra-*¹²⁷,

¹¹⁹ Coetze у Thieme 1960, стр. 305, прим. 13; там же аналогично предлагается анализировать и DINGIR. MES *U-ru-ṣa-na-aš-ši-el*.

¹²⁰ Дьяконов 1967, стр. 152.

¹²¹ Дьяконов 1970, стр. 52.

¹²² Coetze у Thieme 1960, стр. 305.

¹²³ Дьяконов 1970, стр. 52; специально отвлекаясь от культурно-исторического фона, в частности сопоставления с контекстом Ригvedы, Дьяконов на основании *Ū-ru-wa-n(a)* реконструирует **Urwan(a)*, предлагая это имя объяснить индоирантам.

¹²⁴ Например, для Майрхофера, по его собственному признанию, эта статья послужила поворотным пунктом в пересмотре индоиранского тезиса в сторону индоарийского (Maughofer 1961, стр. 457).

¹²⁵ Thieme 1960, стр. 316 сл.

¹²⁶ Thieme 1960, стр. 315 сл.; 306 сл.; ср.: Dumézi, 1948, стр. 79 сл.

¹²⁷ Maughofer Wb. II, стр. 633.

в то же время Варуна ни в какой божественной ипостаси в древнеиранском не засвидетельствован¹²⁸; ведийскому композиту *Mitrá-Várūna* в Авесте соответствует *Miṣra-Ahura, Ahura-Miṣra*¹²⁹.

К специфическим переднеазиатским заимствованиям из индоарийского с достаточной степенью определенности может быть отнесено хетт. *Ag/kni-*, предположительно имя бога огня. Оно всего несколько раз засвидетельствовано в формах ^D*A-ak-nt-iš* (им. п.) и ^D*Ak-ni-ia-aš* (род. п.) в новохеттских текстах ритуального характера, обнаруженных в Богазкёйском архиве. На подобие этого имени др.-инд. (вед.) богу огня *Agni-* впервые указал Грозный¹³⁰, совершенно точно истолковавший приводимую ниже фразу из KUB VIII, 28.

В недавней совместной статье, специально посвященной возможности индоарийского происхождения хеттского бога *Akni-* Оттен и Майрхофер вновь подвергли совокупному анализу все данные, касающиеся этой сложной проблемы¹³¹. Исследование немногочисленных контекстов, где встречается *Ag/kni-*, осуществленное Оттеном, приводит авторов к мысли о юго-восточной Малой Азии как потенциальной области возникновения ритуала, связанного с этим божеством, и где вполне естественно предположить связь с хурритами, долго сохранявшими в виде пережитков следы каких-то контактов с индоарийским этно-лингвистическим слоем. Этим, между прочим, помимо соображений формального порядка (неясность *a-*)¹³², наносится удар и исконно индоевропейским этимологиям данного имени.

На фоне полного тождества фонетического облика хетт. *Ag/kni-* и др.-инд. *Agni-* особенно значительным оказывается соответствие характерных черт хеттского божества, определяемого скудными свидетельствами ритуальных текстов как существо «пожиряю-

¹²⁸ Вряд ли достаточно для постулирования в индоиранский период бога *Várūna*-ссылки на одиночный, к тому же сомнительный, топоним авест. *Vārāna* (см.: *Ma y r h o f e r* 1959, стр. 91, прим. 70 с литерат.; ср. в противоположность категорическое утверждение об отсутствии иранских соответствий: *Ma y r h o f e r* Wb., Lief. 19, стр. 152).

¹²⁹ Попытка Кречмера объяснить индоарийские имена богов *Indra-* и *Várūna*- заимствованием из хеттского (*K r e t s c h m e r* 1927, стр. 39 сл.; 1928, стр. 75 сл.), оказывается маловероятной в связи с изложенным относительно генезиса всей серии упомянутых богов митаннийского договора и по причинам культурно-историческим (отрицание возможности непосредственных контактов между хеттами и арийцами в исторический период (подробнее см. ниже), редкость употребления *aruna-* в качестве бога в самом хеттском (см.: *L a g o s h e* 1947, стр. 22), отсутствие в индоарийских языках заимствований из хеттского и хурритского); см. также сводку мнений о происхождении индоар. *Várūna-*: *Ma y r h o f e r* Wb. Lief. 19, стр. 151 сл.; о гипотезе Кречмера ср.: *Ma y r h o f e r* 1959, стр. 94, прим. 81 с литерат.; *H a u s c h i l d* 1962, стр. 47.

¹³⁰ *H r o z n ý* 1921, стр. 34 сл.

¹³¹ См.: *O t t e n* — *Ma y r h o f e r* 1965.

¹³² Ср.: *O t t e n* — *Ma y r h o f e r* 1965, стб. 551.

щее¹³³, с пастью, подобно жернову, перемалывающему жертву»¹³⁴, многочисленным выражениям Ригведы, где *Agni*- обладает весьма схожими атрибутами, ср. 'пожирающий мясо' (X 16, 9; 10), 'все пожирающий' (X 16, 6), 'обладающий железной челюстью (железными клыками)' (X 87, 2), 'острозубый' (VIII 19, 22 и др.), 'словно Агни, размалывающий пищу зубами' (X 113, 8), 'тот, который имеет во рту жертвенные возлияния' (VII 15, 1) и многое другое.

В пользу потенциальной возможности заимствования хеттами бога по имени *Ag/knt*- говорят также следующие моменты: во-первых, отсутствие в хеттском апеллатива для обозначения огня от и.-е. корня, отраженного в др.-инд. *agnī*-, ст.-слав. *огнь*, лит. *ugnīs* (др.-лит. *ungnīs*), лат. *ignis* (др.-лат. *ingnis*), при сохранении равно исконного и.-е. слова *paḥhur* для того же понятия, ср. греч. *πῦρ*, нем. *Feuer* и пр.¹³⁵, во вторых, существование у хеттов на апеллативной ступени развитого культа огня, выраженного именем нарицательным *paḥhur* (ср. р.) и функционирующего в качестве могущественной силы, от которой зависит судьба Хаттуса; лишь единожды (KUB XII 21 г. 8 сл.) этот апеллатив выступает деизировано как ^D*Paḥhur*¹³⁶. Наличие в иранских языках для обозначения огня другой лексемы: авест. *ātar*-, пехл. *ātur*, согд. *tr*, н.-перс. *ādar*¹³⁷ — в случае истинности гипотезы о заимствовании *Ag/knt*-, однозначно указывает на его индоарийское происхождение¹³⁸. В поддержку изложенной гипотезы привлекают

¹³³ См.: KUB VIII 28, Vs. 16': [*n*]a-at ^DA-ak-ni-iš ka-ra-a-pi; в этом фрагменте, содержащем какие-то астрологические предзнаменования кастастрофы, цитированным словам предшествует (15') KUR-e ku-iš Ū-UL za-aḥ-ḫi-ia-at-ta-ri [], что целиком толкуется: 'страна, которая не борется [], и ее пожирает (бог) Агни'.

¹³⁴ Ср. KBo XI, II, 20 сл.; ^{NA4} ARĀ-za-kán GIM-an kap-pi-iš iš-pár-ti-i-e-ez-zi EN. SISKUR-kán ^DA-ak-ni Ka×U-za QA. ТАМ.МА iš-pár-ti-id-du (вариант: EN. SISKUR -ia-kan ^DAk-ni) 'как маленькое (зернышко) может выскочить из-под жернова, так пусть дающий жертву равным образом избежит рта (пасти) Агни'.

¹³⁵ Friedrich HW, стр. 154.

¹³⁶ Специально о культе *paḥhur* с подробной литературой см.: Иванов 1962.

¹³⁷ О возможных следах **aḡni*- в авестийском личном имени *Dāštāḡni*- см.: S. Wikander. Der arische Männerbund. Lund, 1938, стр. 77; Он же. Feuerpriester in Kleinasien und Iran. 1946, стр. 102 сл.; G. Dumézil. *Questiunculae indo-italicae*. — «Revue des études latines» XXXVI, 1958, стр. 130, прим. 4; Мауффер Wb. I., стр. 544; Иванов 1962, стр. 272, прим. 32; ср. Kronasser 1963, стр. 147: о недостаточности оснований для постулирования иран. **aḡni*-.

¹³⁸ Резко против заимствования хетт. *Ag/kni*- из индоарийского, с отрицанием его связи с огнем и призывом искать туземные переднеазиатские источники в хурритском или аккадском см.: Kamenhuber 1968, стр. 150 сл.; вслед за ней Дьяконов 1970, стр. 53.

как индоарийское проникновение также угарит. *agn*, которому приписывают значение 'огонь (жертвенный)'¹³⁹.

Одно из центральных звеньев в системе доказательств индоарийского тезиса занимает кассит. *Surtiṣaš*¹⁴⁰, сохраненное в числе 48 слов касситско-аккадского глоссария в качестве имени бога солнца или его эпитета¹⁴¹, рядом с чаще встречающимся именем того же божества *Sah*; аккадский эквивалент обоих — *Samaš*. Еще Деличем, т. е. раньше всех рассмотренных имен богов, кассит. *Suriṣaš* было сопоставлено с др.-инд. (вед.) *sūrya* — 'солнце', но лишь как случайное созвучие¹⁴². При условии справедливости ценность данной идентификации очевидна, поскольку форма именительного падежа *sūr-ya-s*, предположительно послужившая источником заимствования, имеет специфически индоарийский морфемно-словообразовательный тип¹⁴³. Иранский располагает только кратким вариантом основы — авест. (Гаты) *hvar-*, *χ'an* — 'солнце' (ригвед. *svar-*, *sūr-*¹⁴⁴).

Балкан и, опираясь главным образом на его упомянутую монографию, Камменхубер и Дьяконов выдвинули весьма веские возражения рассмотренной идентификации¹⁴⁵. Их позитивная критика сводится к следующему: *š* в *Suri-ṣaš* как и в других словах с подобным исходом, относится к основе: в данном случае это продуктивный в касситской ономастике второй компонент сложения *-ṣaš*, *-ṣašu/i* 'земля', ср. имя (№ 27) касситского царя *Sagarakti* = *Surtiṣaš*, которое иногда, появляется в форме *Sagarakti* = *Surtiṣašu/i*¹⁴⁶. Разумеется, приведенные соображения, базирующиеся на фактах туземного языка, значительно снижают вероятность

¹³⁹ Maughofer 1960, стр. 143, прим. 56; Иванов 1962, стр. 272, Otten — Maughofer, стр. 55 — все со ссылкой на S. Segert, L. Zgusta. Indogermanisches in den alphabetischen Texten aus Ugarit. — ArOr XXI, 2—3, 1953, стр. 274 сл. Заслуживающие внимания сомнения в связи с основными лексикологическими работами по древним семитским языкам выражают: Камменхубер, настаивая для угарит. *agn*, аккад. *aganni* на значении 'Schale' (Kammenhuber 1968, стр. 154 с подробной литерат. в прим. 478) и Дьяконов, предложивший значение 'котелок' (1970, стр. 53 с прим. 73);¹ впрочем, Гордон, кроме того, допускает, но без уверенности, третье значение — 'огонь': С. Н. Gordon. Ugaritic manuel, III. Roma, 1955 (=AnOr 35), стр. 232, № 37; Он же. Ugaritic textbook. Roma, 1965 (=AnOr 38), стр. 351, № 65.

¹⁴⁰ См.: Maughofer 1961, стр. 452, 457 с литерат.; 1964, стр. 187; 1966, стр. 18, 22; Gronasser 1963, стр. 148 и другие авторы.

¹⁴¹ Balkan 1954, стр. 3 и др.; Kammenhuber, 1968, стр. 49.

¹⁴² F. Delitsch. Die Sprache der Kassäer. Leipzig, 1884, стр. 40.

¹⁴³ О суффиксе *-(t)ya* в древнеиндийском см.: Wackernagel — Debrunner II, стр. 779 сл.

¹⁴⁴ Wackernagel — Debrunner I, стр. 24 и др.

¹⁴⁵ Kammenhuber 1968, стр. 49 сл.; Дьяконов 1970, стр. 45 сл.

¹⁴⁶ Balkan 1954, стр. 78 сл., 155 сл.; Дьяконов 1970, стр. 45, прим. 33.

индоарийского происхождения кассит. *Šurijaš*, но тем не менее не ставят, на наш взгляд, непреодолимых препятствий. Индоар. *sūryas* могло быть воспринято и адаптировано в номинативе, что облегчалось наличием омонимичного исхода в касситском, ср. еще кассит. *dakaš* 'звезда' и др.¹⁴⁷; формы на *-u/-i* либо архаичные, либо аккадизированные¹⁴⁸. Кроме того, необходимо считаться с тем, что первый компонент *Sur(i)-* средствами древних переднеазиатских (ближневосточных) языков пока не объяснен.

В. Переходя к изложению фактов, относящихся к апеллативным арийским вкраплениям в клинописных текстах Передней Азии, напомним, что их анализ в силу известной специфики этимологии имени нарицательного, по сравнению с ономастической этимологией, ведет к результатам, достаточно узкоориентированным в лингво-этническом отношении. Вместе с именами богов, где многое оказалось обусловленным счастливо сложившимися обстоятельствами (боги договоров), этот компонент содержит некоторый материал, толкуемый до известной степени однозначно в аспекте индоарийского тезиса.

Данная группа слов (вместе с предположительными всего около 20 или чуть больше) на три четверти состоит: из профессиональных терминов, относящихся к процессу тренировки коней, запряженных в легкую боевую колесницу, — все они в виде глосс содержатся в трактате хуррита Киккули, носившего «высокий» титул ^{La}*aššuššanni-* 'тренер лошадей', — и из названий мастей (в одном случае, возможно, обозначение возраста), употребленных в качестве эпитетов в аккадо-хурритских списках лошадей, обнаруженных в Нузе; в аккадо-касситском списке лошадей выявлено *timiraš*(?), чья связь с др.-инд. *timirā-* пока еще кажется сомнительной из-за изолированности касситского слова и отсутствия ясной этимологии у древнеиндийского¹⁴⁹.

Текст Киккули содержит в первую очередь пять терминов, образованных посредством сложения нечетных числительных 1, 3, 5, 7, 9 с существительным *-qartanna* 'оборот, круг', гесп. 'пробег, забег', обозначающих количество так называемых 'кругов-забегов', которые должны пробегать лошади, впряженные в колесницу, для покрытия необходимого расстояния при последовательных многодневных тренировках. Часто конструкции с арийскими терминами употреблены с глоссовым клином и снабжены переводом

¹⁴⁷ См.: Дьяконов 1970, стр. 45, прим. 32; рассуждения о кассит. *timiraš* (?) < санскр. *timirā-* 'темный'; ср.: Маугхофер 1964, стр. 187.

¹⁴⁸ Камтенибер 1968, стр. 49, прим. 131.

¹⁴⁹ См.: Маугхофер 1966, стр. 18 сл., прим. 5; ср.: Камтенибер 1968, стр. 59; Дьяконов 1970, стр. 45, прим. 32; к этимологии др.-инд. *timirā-* см.: Маугхофер Wb. I, стр. 502.

на хурритский и хеттский (или/и интерпретацией)¹⁵⁰, см., на пример, Kik. IV, лицевая сторона, 18 сл. и др.¹⁵¹.

a-i-ka-ua-ar-ta-an-na Kik. II, I, 17, ср. Там же, стк. 22 с предполагаемым отдельным написанием *aika* *uartanna*) 'один круг-пробег'; употреблено без глоссового клина и перевода. Хетт. кл. передача *aika* ∞ др.-инд. (вед.) *éka*- 'один' < и.-е. **oi-ko*-¹⁵² — важнейший факт в системе аргументов в пользу индоарийского тезиса, так как в иранских языках представлен иной словообразовательный вариант индоевропейской местоименной непроизводной основы — **oi-vo*: авест. *aēva*-, др.-перс. *aiva*-, ср. греч. οἶος, кипр. οἶφος. Третья деривационная возможность (и.-е. **oi-no*-) реализована в лат. *unus* (др.-лат. *oīno*), греч. οἶνος, ст.-слав. *инъ* и пр.; последняя основа представлена в др.-инд. *ena*- с близким значением 'этот, тот, он'¹⁵³. Таким образом, др.-инд. *éka*-, которое еще в ведах, до их письменной фиксации, могло сохранять дифтонгическую форму **aika*-¹⁵⁴ = кик. *aika*-, имеет специфический индоарийский морфемный тип¹⁵⁵. Постулирование в индоиранский (праарийский) период формы (**aivaka*-, давшей из-за «эмфатического употребления» интересующее нас др.-инд. слово через ступень **ai^{va}ka*-¹⁵⁶, не представляется нам обоснованным, поскольку иранские лексемы: ср.-перс. (пехл.) *ēvak*, н.-перс. *yak* и пр., послужившие базой для реконструкции, — сами, по всей вероятности, возникли в результате вторичной деривации иранской

¹⁵⁰ О манере подачи хеттских и хурритских счетных и других тренировочных терминов см.: K a m m e n h u b e r 1961a, стр. 273 сл., 293 сл.; K r o n a s s e r 1963, стр. 148 сл.

¹⁵¹ Здесь и далее все примеры из трактата Киккули приводятся по изданию Камменхубер (см.: K a m m e n h u b e r 1961a).

¹⁵² К индоевропейскому форманту *-ko* см.: P o k o r n y, стр. 286.

¹⁵³ M a u r h o f e r Wb. I, стр. 128.

¹⁵⁴ См.: T h i e m e 1960, стр. 301; K a m m e n h u b e r 1968, стр. 201. У Тиме (Там же) о возможности существования обеих форм — **aika*- и **aiva*- — в «протоарийском» и позднейшем их распределении по двум основным арийским диалектам. О дифтонгическом характере первого слога и исконности индоарийской формы **aika*-, по-видимому, свидетельствует предположенное Калимой и признаваемое многими ее заимствование в фин. *oikea* 'прямой, правильный' еще до перехода и.-е. **o* > арийск. *a* (K a l i m a 1936, стр. 206; M a u r h o f e r 1959, стр. 93; K r o n a s s e r 1963, стр. 147 и другие авторы). В то же время мысль о том, что всякое заимствование из арийских языков в финноугорские автоматически предполагает общеиндоиранское состояние (ср. И в а н о в 1968, стр. 38), далеко не бесспорна и в свете новых, главным образом иранских, данных сама подлежит проверке, ср.: А б а е в 1965, стр. 6 сл., 122 сл. и др.).

¹⁵⁵ Ср. в той же семантической сфере др.-инд. *ka*-образование *dva-ká*- 'дважды' (M a u r h o f e r Wb. II, стр. 81); к этому же типу с и.-е. суффикса *-ko*- Покорный относит и др.-инд. *dviká*- 'aus zweien bestehend' (P o k o r n y, стр. 286; ср.: M a u r h o f e r Wb. II, стр. 81; образование по *ekaká*-).

¹⁵⁶ M a u r h o f e r 1960, стр. 146 сл., прим. 75 с литерат., в противоположность более поздним взглядам (см. ниже, прим. 158); воспринято Фриском (Frisk I, стр. 367); ср.: K a m m e n h u b e r 1968, стр. 202 сл.; Д ъ я к о н о в 1970, стр. 56, прим. 83.

основы с формантом *-va-* (и.е. **-uo-*) посредством продуктивного в иранских, как и в позднем древнеиндийском, суффикса *-ka-*¹⁵⁷. В этой связи уместно указать на отсутствие **ko-*распространений от основы **oiuo-* в других индоевропейских языках и тысячелетнюю отдаленность пехлевийской традиции от текста Киккули¹⁵⁸.

ti-e-ra-ya-ar-ta-an-na 'три круга-пробега' (Kik, IV, Vs. 65) употреблено, в отличие от прочих контекстов с этим термином, с глоссовым клином и снабжено переводом на хеттский *ú-ya-ah-nu-ya-ar-ma* 3 *hal-zi-iš-ša-an-zi* «называют (так) 3 круга» (Там же, стк. 66); *ti-e-ru-(u-)ur-ta-an-na* (Kik. IV, unt. Rd. 2 — с переводом на хеттский; II, III, 17 — самостоятельно); *ti-e-ra-u-ur-ta-an* (Kik. II, II, 37 — при ошибочном пропуске конечного слога, с последующей хурритской глоссой *a-a-ú-za-mi-e-ya*_a 'галопировать') и хеттской интерпретацией *tar-kum-ma-an-zi-ma ki-iš-ša-an* 1/2 DANNA 7 IKU-ia || *hal-zi-iš-ša-an-zi* «переводят (это) так: 1/2 DANNA и 7 IKU — называют» — Там же, стк. 38); ошибочное *ti-e-ya-ar-ta-an-na* вместо *ti-e-ra-ya-ar-ta-an-na* (Kik. III, IV, 35 — с переводом на хеттский).

Странное и вызывающее весьма противоречивые объяснения клинописное написание числительного 3 в первом компоненте сложения как *ti-e-r(a)-*, ср. хетт. *te-ri-ia-an-na* = *terianna* 'tertius', LÚ *tar-ri-ia-na-al-li* = *tarijanalli* 'третий по чину', *ta-/te-ri-ia-al-la* = *ta/teriālla* 'напиток (из трех ингредиентов)', вероятно, вызвано трудностями передачи средствами клинописи начального сочетания *tr-* в чужеродном для хурритов и хеттов слове, каковым было индоар. *trī-* (ар. **tri-*, ср. авест. *fri-*), при регулярном *-a-* в нижерассматриваемых сложениях, содержащих *panza-*, *šatta-*, *paça-*¹⁵⁹. Поскольку в хеттском в приведенных написаниях возможно чтение **tri-*¹⁶⁰, представляется соответствующим действительности предложение Дьяконова искать объяснение в хурритской фонетике и графике, где недопустимо сочетание «согласный + *r*», почему следует читать именно *-ter(a)*; как и в других случаях (см. ниже), арийские застывшие формы, по мнению Дьяконова, должны были в переводе с хурритского на хеттский сохранять и хурритскую орфографию¹⁶¹.

¹⁵⁷ W a s k e r n a g e l—Debrunner II, 2, стр. 515 сл.

¹⁵⁸ Из новой литературы о специфической индоарийской форме *aika-* см.: N a u s c h i l d 1962, стр. 36 сл.; K r o n a s s e r 1963, стр. 147; M a u r h o f e r 1965, стр. 11; 1966, стр. 19 и др.; B e n v e n i s t e 1962, стр. 86.

¹⁵⁹ См.: K r o n a s s e r 1963, стр. 47, 144; B e n v e n i s t e 1962, стр. 86; K r o n a s s e r 1956, стр. 151 — настаивает на чтении *ter-*; M a u r h o f e r 1959, стр. 85; 1965а, стр. 11; 1966, стр. 19 — предлагает, вслед за Фридрихом (Friedrich HW, стр. 327), *tēra*; категорически против последнего при допущении либо *tr-*, либо *ter*: K a m m e n h u b e r 1968, стр. 203 сл.

¹⁶⁰ F r i e d r i c h H W, стр. 226.

¹⁶¹ Дьяконов 1970, стр. 57; Камменхубер ограничивается общим указанием, что объяснение следует искать в особенностях хурритской фонетики (K a m m e n h u b e r 1968, стр. 204).

pa-an-za-ṣa-ar-ta-an-na (Kik. IV, Vs. 58 — с глоссовым клином и переводом на хеттский) 'пять кругов-пробегов'; хетт. кл. передача *panza-* ~ др.-инд. (вед.) *pāñca-*, ср. авест. *panča-* 'пять'.

ša-at-ta-ṣa-ar-ta-an-na (Kik. IV, Vs. 18; Rs. 8, 61), с пропуском слога в исходе первого элемента сложения *ša-at [-ta]-ṣa-ar-ta-an-na* (Kik. III, II, 43) 'семь кругов-пробегов'; в обоих случаях имеется глоссовый клин, перевод на хеттский и хурритская глосса для галопы (см. выше); ~ др.-инд. (вед.) *saptā-*. Старому, распространенному и до недавнего времени мнению, что в переходе консонантного сочетания *-pt-/-tt-* можно видеть развитие, подобное засвидетельствованному в пракрыте (ср. нали *satta*) и поэтому специфически «индийское», следует предпочесть мысль об ассимиляции при адаптации чужеродного звукового комплекса, видимо, не без влияния хурр. *ši-it-ta-an-na* (Kik. III, II, 43, ср. Kik. IV, Rs. 62) = *šitta* 'семь', употребленного вместо хурр. *šinda* 'семь' непосредственно после *šatta-ṣartanna* — в качестве глоссового эквивалента, свидетельствуя в свою очередь о рудиментарности арийского термина в языке хурритов периода появления трактата Киккули¹⁶².

na-a-ṣa-ar-ta-an-na (Kik. IV, Vs. 36) = *nāṣartanna* 'девять кругов-пробегов', с гаплогонимией из **nava-ṣartana*¹⁶³; кик. *nāva-* ~ др.-инд. (вед.) *nāva-*, ср. авест. *nava-* 'девять'; *na-ṣa-ar-ta-an-ni* (Kik. IV, Rs. 24—25) — определенно флективная форма хетт. дат.-лок. п. ед. ч. на *-i*, единожды отмеченная в группе интересующих нас счетных композит и встречающаяся в сочетании с другим арийским же термином *ṣa-ša-an-na-ša-ṣa*, обозначающим, вероятно, какую-то разновидность ипподрома в виде эллипсоидной беговой дороги для тренировок упряжек колесниц (см. ниже специально), причем последний термин имеет форму др.-инд. род. п. на *-asya*. Таким образом, *naṣartanni ṣašannašṣa*¹⁶⁴ можно истолковать 'в девять кругов-пробегов стадиона [скакать (растояние)]'.

Отсутствие глоссового клина и переводов на хеттский или хурритский в обоих местах и особенно использование арийского слова с хеттским падежным окончанием говорят о живости данной лексемы (всего сочетания) во всяком случае в профессиональном языке той социальной группы хурритов, к которой принадлежал автор наставления по коневодству. Арийская падежная форма

¹⁶² См.: Maughofer 1960, стр. 147 сл.; 1959, стр. 85, прим. 38 (там же ссылки на работы Потраца и Фридриха, придерживающихся мнения о среднеиндийском типе фонетической эволюции); Gronasser 1963, стр. 144; Nauschild 1962, стр. 32 — с отрицанием предложения Беларди о «пракрицизме»; Kammenhuber 1963, стр. 204 сл. Дьяконов (1970, стр. 57), как и по поводу *ti-e-ra*, думает об особенностях хурритской орфографии, по правилам которой **ša-ap-ta-* звучало бы [sabda].

¹⁶³ К чтению и реконструкции исходной формы см.: Friedrich HW, стр. 327.

¹⁶⁴ Фридрих (Friedrich HW, стр. 327) читает *ṣašannašṣa*.

çašanašja, по-видимому, сигнализирует о заимствовании хурритами целого терминологического сочетания, первая часть которого подверглась полной грамматической адаптации. Вместе с тем причина такого своеобразного смешения в одном синтагматическом ряду разноязычных флексий, вероятно, кроется в том обстоятельстве, что ко времени появления трактата внутренняя форма исследуемых арийских терминов была уже затемнена и они употреблялись в силу традиции.

Наличие в *paqartanni* хетт. дат.-лок. ед. ч. на *-i* позволяет, кажется, сделать еще одно предположение: не могли ли ассоциироваться и все прочие рассмотренные выше количественные термины с хеттским дат.-лок. ед. ч. на *-a* (в общем роде допустимы оба окончания), тем более что в ряде мест они сопутствуются акадской идеограммой *A.NA* 'к, в'. Например, *A.NA ti-er-a-qa-ar-ta-an-na* (Kik. IV, Vs. 65), ср. *A.NA 7 IKU- aš* (Там же, стк. 37) с хеттским комплементом дат.-лок. п. мн. ч., *A.NA qa-ša-an-ni* (хетт. дат.-лок. ед. ч. — Kik. IV, Rs. 25). В таком случае следует предпочесть буквальный перевод, предлагаемый Кронассером: 'in 1-, 3-, 5-, 7-, 9-Runde'¹⁶⁵.

-qartanna — вторая часть рассмотренных количественных арийских терминов из трактата Киккули; обычно приписываемое значение 'круг, поворот' (речь может идти о беговом круге ипподрома для тренировки лошадей) как будто подтверждается почти регулярно стоящей параллельно в хеттском переводе арийских глосс лексемой *caḥniqar* 'оборот, поворот, круг (при тренировке лошадей)' (см. выше), образованной от глагола *caḥnu-* 'вертеть; поворачиваться; гонять по кругу лошадей и пр.'¹⁶⁶. Однако Камменхубер (вслед за Потрацом) произведя сопоставление нечетных арийских и четных хурритских глосс в хеттских контекстах и подсчитав протяженность 1 круга (14—20 IKU и пр.), удалось достаточно убедительно показать, что счетные композиты с *-qartanna* употреблены в трактате — в других памятниках они, кстати, не засвидетельствованы — из «пиетета» перед арийцами по традиции и выражают не количество реальных кругов на ипподроме, а число пробегов, отрезков пути (*Strecke*), составляющих определенное расстояние, которое должны были пробежать на тренировке в заданном темпе, галопом (*parḥ-*) или рысью (*penpa-*), лошади, впряженные в легкую колесницу¹⁶⁷.

¹⁶⁵ K r o n a s s e r, стр. 144.

¹⁶⁶ F r i e d r i c h H W, стр. 241.

¹⁶⁷ См.: К а м м е н х у б е р 1961а, стр. 286 сл., 293 сл.; 1968, стр. 196 сл.; Дьяконов 1970, стр. 57; ср.: П о т р а ц 1938, стр. 180 сл., 205 сл., 241 сл. Следует заметить, что Майрхофер в работах середины 70-х годов уже дает для *-qartanna* ∞ др.-инд. *variant-* значение 'Strecke' (M a u g h o f e r 1965а, стр. 13) и предлагает истолковать *aika-qartanna* как 'einfache Strecke', *panza-qartanna* — 'fünffache Strecke' и соответственно все остальные (M a u g h o f e r 1966, стр. 15 сл.).

С самого начала была отмечена возможная деривационная связь *-ṣartanna* как отглагольного имени с арийским глаголом в значении 'поворачивать, вертеть, крутить', реализованным в ригвед. *vart-(vrt-)*, авест. *var^ot-¹⁶⁸* (и.-е. *vert-*), ср. анализируемое ниже кик. (*anda*) *ṣart-* '(за)крутить, (*ein*)*drehen*'. Однако ему в богатейшем словаре вед не было обнаружено эквивалента, одновременно отвечающего требованию семантического и морфологического порядка. Действительно, в древнеиндийском имеется относительно поздно засвидетельствованное — на него многими было обращено внимание¹⁶⁹ — причастное образование *vartana-* п. 'вращение, кружение (Pār. Schol.), откатывание, отодвигание прочь (Kāṭy. Ś. S. и позже), блуждание вокруг (BhP.)', семантически достаточно далекое от нашей глоссы. Напротив, нередко приводимое в связи с *-ṣartanna* ригвед. *vartani-* f. 'дорога, путь, дорожная колея (повозок)', 'бег, движение (повозок, скаковых лошадей, колесниц'¹⁷⁰ значительно ближе по значению, но расходится качеством конечного гласного. В дополнение к этому Бейли установил, что самое близкое в семантическом отношении соответствие (из коневодческой сферы) к кик. *-ṣartanna* сохранилось в осет. ирон. *æwwærdyn*, дигор. *æwwærdun* 'тренировать лошадь'¹⁷¹. В большой мере последнее обстоятельство придало интерпретации второго компонента арийских счетных терминов из наставления Киккули особую доказательную силу в аспекте их индоиранской, (пра)арийской принадлежности¹⁷².

Вместе с тем в последнем соположении определенные моменты настораживают: 1. Значение 'тренировать (лошадь)', наряду с 'вялить (кожу)',¹⁷³ 'дубить', 'мять что-либо'¹⁷⁴, 'растирать'¹⁷⁵, имеет только сложный глагол *æwwærdyn* < *æm-wærdyn*¹⁷⁶ (*æm-* = авест. *ham-*, др.-инд. *sam-* 'с'¹⁷⁷). В то же время простой

¹⁶⁸ Grassmann, стб. 1330; Mayrhofer Wb., Lief. 19, стр. 154 сл.

¹⁶⁹ См. литературу: Mayrhofer 1965а, стр. 11 сл., прим. 6.

¹⁷⁰ Kognasserg 1963, стр. 144 и др. авторы; значения обоих др.-инд. существительных даны по: Mayrhofer 1965а, стр. 11 сл. (там же соответствующие извлечения из Ригведы), в словаре Майрхофера (Lief 19, стр. 154) среди значений *vartani-* приведены также 'перегон, отрезок пути (Strecke)', 'обод колеса', ср.: Grassmann, стб. 1223.

¹⁷¹ Bailey 1957, стр. 64; данное осет. слово связал с др.-инд. *vart-*, авест. *var^ot-* еще Миллер, постулируя переход ирон. *t* в осет. *d* внутри слова после сонорных (Миллер, 1962, стр. 57).

¹⁷² См.: Иванов 1958, стр. 16 с прим. 1; Mayrhofer 1959, стр. 86 с прим. 39; Иванов—Топоров 1960, стр. 14; Иванов 1968, стр. 384.

¹⁷³ Миллер—Фрейман I, стр. 223.

¹⁷⁴ ОРСл., стр. 110.

¹⁷⁵ Абаев ИЭС I, стр. 216; Бенвенист (1965, стр. 58) приписывает *æwwærdyn* значение 'вялить', 'мять (белье)', 'смягчать'.

¹⁷⁶ Абаев ИЭС I, стр. 216.

¹⁷⁷ Абаев ИЭС I, стр. 133.

глагол *wærdyn* значит 'катать, валять, мять (сукно, войлок)' ¹⁷⁸, соединяясь с превербами, он приобретает различные семантические оттенки, ср. *awwærdyn* 'помять, смять; протереть' ¹⁷⁹ и т. д.; 2. Таким образом, значение 'тренировать лошадь' и вообще 'тренировать' ¹⁸⁰ у осет. *æwwærdyn* представляется вторичной спецификацией в приставочном образовании более общей семантики 'мять', 'растирать', 'катать', т. е. приводить что-либо, гесп. кого-либо, в состояние (делать мягким, податливым, послушным, или уплотнять, например шерсть, приготавливая войлок ¹⁸¹) посредством действия, заключенного в глаголах со значением 'вертеть', 'крутить' и пр. (в данном случае и.-е. **uer-t-*). Ср. русск. *мягкий по характеру*, т. е. 'послушный' (о человеке или животном) и пр. Следует отметить, что при объездке и выездке (=тренировке) лошадь на первых порах делает много не зависящих от воли всадника поворотов, бросков в сторону, вращений на месте, затем уже сам объездчик резкими поворотами и сменой направления и ритма бега смиряет нрав лошади, подчиняя себе и приучая повиноваться; все это, особенно вначале выездки, производит впечатление верчения и кручения обезджаемой лошади. Кроме того, по устному сообщению В. И. Абаева, осетины, как, впрочем, по нашим наблюдениям, и русские крестьяне, при объездке и тренировке не гоняют лошадей по кругу; с другой стороны, массаж коня, производимый также круговыми движениями рук, является непременным элементом выездки. Параллелью к появлению именно в приставочном глаголе значения 'тренировать' может, видимо, служить франц. *entraîner* 'увлечь с собой, утащить и пр.', 'тренировать', при *trainer* 'тащить, тянуть, волочить и пр.' < лат. *trahere* то же.

Думается, что подобие значений кик. *-ɟartanna* — этимологически 'круг (ипподрома) для тренировки лошадей' и осет. *æw-wærdyn* 'тренировать (лошадь)' — результат случайного совпадения итогов различно направленной семантической эволюции одной и той же индоевропейской (видимо, уже на индоиранском уровне) глагольной основы, почему привлечение осетинского слова в качестве одного из основных аргументов в пользу индоиранской принадлежности переднеазиатских арийских языковых вкрапленных приходится признать недостаточно корректным.

Между прочим, Бенвенист, базируясь на семантике рассмотренных осетинских глаголов 'катать', 'валять (войлок, сукно)' → 'делать мягким, смягчать', предложил, кажется, без особой необ-

¹⁷⁸ ОРСл., стр. 342; ср.: Миллер—Фрейман III, стр. 1792; 'катать, валять (сукно, войлок при приготовлении)'.

¹⁷⁹ ОРСл., стр. 44.

¹⁸⁰ Абаев РОСл., стр. 491.

¹⁸¹ Абаев 1965, стр. 7.

ходимости, связать осет. *wærd-* с иранской глагольной основой **ward-* 'размягчать' в авест. *var^odu-* 'мягкий' и пр.¹⁸²

В то же время Майрхофер в специальной небольшой заметке¹⁸³ указал индоарийскую типологическую параллель из разряда количественных композит, весьма убедительно, на наш взгляд, объясняющую морфологическое расхождение между кик. *-çartanna* и достаточно близким семантически упомянутым ригвед. *vartani-*. Так, оказалось, что в индоарийских количественных сложных словах основы на *-i*, образуя второй компонент, часто в исходе имеют *-a*, например, *daśāṅgulā-* 'длина в десять пальцев' (RV X, 90, 1) возникло из *dāsa-* 'десять' + *aṅgūli-* 'палец (на руке)', *tryaṅjalā-* 'три горсти' (Pāṇ) — из *tri-* 'три' + *aṅjali-* 'ладонь'¹⁸⁴. Тогда в нашем случае ригвед. *pāñca-* 'пять' + *vartani-* 'бег, дорога, перегон, отрезок пути, расстояние (Strecke)'¹⁸⁵ должны дать **pāñca-vartaná-* 'расстояние, отрезок пути в пять (про)бегов' или 'пять отрезков пути, пять (про)бегов, перегонов'¹⁸⁶, переданное клинописью Киккули как *pa-an-za-ça-ar-ta-an-na*.

В связи со значением, приписываемым др.-инд. *vartani-* 'бег, гесп. перегон, отрезок пути', позволительно пойти дальше в отрицании реальной семантики кик. *-çartanna* как 'круг, поворот на беговом круге ипподрома' и предположить, что это слово в составе счетных композит было воспринято у индоарийцев уже разившим значение 'отрезок пути, перегон, пробег, забег'; источником могла послужить техническая коневодческая терминология. Высказанная гипотеза, следует подчеркнуть, наталкивается на трудности, связанные с наличием к *-çartanna* в тексте Киккули хеттского эквивалента-перевода *çahnuçar* 'оборот, поворот и пр.' Разумеется, этому могут быть предложены разные объяснения (идентичное семантическое развитие последнего, позволяющее постулировать в данном случае значение, близкое к реконструированному для кик. *-çartanna*, чему не препятствует хеттская деривационная цепь: *çeḥ-*, *çah-* 'вертеться, кружиться' — каузатив *çahnu-* 'вертеть, кружить', 'делать круг (о лошадях)' — *çahnumar* / *çahnuçar*¹⁸⁷ = *-çartanna* ~ др.-инд. *vartani-* (< др.-инд. *vart-*)¹⁸⁸, или калькирование индоарийского прототипа), однако ни одно из них нельзя пока опереть на более конкретные языковые факты. Ср., впрочем, уже рассмотренные *çartanna çāṣanpaṣṭa*, где речь идет именно о кругах — пробегах стадиона (весь контекст см. ниже).

¹⁸² Бенвенист 1965, стр. 58 сл.; к тому же мнению склоняется Майрхофер (Ma y r h o f e r Wb., Lief. 19, стр. 154 сл.); против, в поддержку этимологии Миллера (см. выше, прим. 171), Абаев 1965, стр. 7.

¹⁸³ Ma y r h o f e r 1965a, стр. 13 с литерат.

¹⁸⁴ См.: Wa k e r n a g e l—D e b u n n e r II, 1, стр. 118 сл.

¹⁸⁵ Ср.: Ma y r h o f e r Wb., Lief. 19, стр. 155.

¹⁸⁶ Ср.: Ma y r h o f e r 1965a, стр. 13.

¹⁸⁷ См.: F r i e d r i c h HW s. vv.

¹⁸⁸ Ср.: Ka m m e n h u b e r 1968, стр. 200.

an-da ɥa-ar-ta-an-zi '(на, за)кручивают (хвосты)' — *hax*, встречающийся в следующем контексте (Kik. IV, Rs. 6—7): *ma-aḥ-ḥa-an-ma-aš ID-az ša-ra-a ú-ɥa-da-an-zi nu-uš-ma-aš KUN*¹⁸⁹. *ŠU an-da ɥa-ar-ta-an-zi* 'но лишь только [лошади] из реки вон выйдут, тут же им их хвосты закручивают', видимо, для того, чтобы выжать воду.

Здесь в хеттизированной финитной форме с хеттскими лексико-морфологическими элементами: окончанием 3 л. мн. ч. *-anzi* и превербом *anda* — выступает гибридное хеттско-арийское образование, основа которого полностью совпадает с ригвед. *var-* 'вертеть, крутить, поворачивать', ср. авест. *var^ot-* то же¹⁸⁹. Такое употребление предполагает полную ассимиляцию и привычность заимствованного слова хотя бы для автора трактата. С другой стороны, перед нами — технический, профессионально окрашенный термин специального значения, на что указывает органичность его функционирования при обычном хетт. *anda ɥaḥnu-* 'завертывать, заширять, окружать' от *ɥaḥnu-* 'вертеть, вращать и пр.'¹⁹⁰ (равное по значению др.-инд. *var-*).

ɥa-ša-an-na — слово, довольно спорное этимологически. Однако его реальный смысл достаточно ясно интерпретирован автором трактата в табл. III, IV, 21—24: *na-aš*¹⁹¹ 1 DANNA 20 IKU¹⁸⁹ || *pár-ḥa-an-du-uš pa-a-an-zi ɥa-ša-an-na* || *na-aš par-ku-ɥa-tar-še-it* 5 IKU DAGAL. *ZU-ma* 3 IKU $\frac{1}{2}$ IKU-*ia* || *a-ra-aḥ-za-an-da-ma-aš IŠ.TU GIŠ*¹⁸⁹ *ɥa-aḥ-nu-ma-a[n]* 'теперь [лошади, впряженные в колесницу (см. в предшествующей фразе *tu-u-ri-ia-an-zi*)] идут галопируя к? (по?) *ɥašanna* (возможно, лок. на *-a*); это [сооружение] своей высотой 5 IKU, своей шириной 3 IKU и $\frac{1}{2}$ IKU; но окружено деревянным забором'. Затем в уже цитированной частично Kik. IV, RS. 24—27: ✕ *na-aš na-ɥa-ar-ta-an-ni* || *ɥa-ša-an-na-ša-ia* (об этих формах см. выше) 1 DANNA 80 IKU¹⁸⁹ *ia pá-r-ḥa-i A.NA ɥa-ša-an-ni-ma* || *pár-ga-tar-še-it* 6 IKU *pal-ḥa-tar-še-it-ma* 4 IKU¹⁸⁹ *ɥa-ša-an-na-ma* 9? *ŠU ɥa-aḥ-nu-zi* 'теперь он заставляя [лошадей, впряженных в колесницу] скакать [расстояние] в девять кругов-пробегов *ɥašannaša* (арийский генетив на *-asya*) 1 DANNA 80 IKU; но в *ɥašanna* (в тексте в форме хет. дат.-лок. на *i*) своей высоты 6 IKU, а своей ширины 4 IKU; *ɥašanna* же он окружает (скачет) кругом 9? раз'.

Таким образом, согласно обоим контекстам, *ɥašanna* — кругообразная (точнее, эллипсовидная) беговая дорожка различной протяженности для тренировки конных колесниц, огражденная,

¹⁸⁹ Maughofer Wb., Lief. 19, стр. 154.

¹⁹⁰ Friedrich HW, стр. 240.

¹⁹¹ Видимо, ошибочно вместо *na-at* (см.: Kammhuber 1960, стр. 121, прим. 78).

судя по первому случаю, деревянным забором¹⁹², короче — равновидность ипподрома.

Такое толкование делает маловероятным очень заманчивое в формальном отношении сопоставление *ṣašanna* с вед. *vāsana* — 'одежда, платье' авест. *vahana* то же, семантически опирающаяся на пояснение Киккули относительно ограждения забором, из чего для переднеазиатского слова реконструируется значение 'Umkleidung' > 'Umzäunung'¹⁹³.

Те же обстоятельства обусловили менее достоверное с точки зрения реалий возведение *ṣašanna* к др.-инд. *vāsana* — 'местожительство, жилище'¹⁹⁴.

Предпочтительнее в реально-семантическом плане при вполне удовлетворительном, как установлено в последнее время, обосновании формальных (фонетико-транскрипционных) тождеств идентификация клинописного *ṣašanna* с др.-инд. *vāhana* 'Fahren, Ort des Fahrens' (более раннее 'Gespann, Vehikel'), ср. ригвед. *deva-vāhana* — 'везущий богов (вол)' (RV III, 27, 14), *ratha-vāhana* — 'тележная рама (с колесами)', букв. 'то, что везет колесницу'. (RV VI, 75, 8), через реконструкцию раннеиндоарийской, resp. общеарийской, формы **vāzhana* — в качестве исходной для заимствования в языке Передней Азии¹⁹⁵; ср. авест. *vaz* — 'ехать', особенно согд. *nxr-wzn* 'Круг зодиака', букв. 'путь (круг) звезд' (*wzn* < *wazana*) — все к и.-е. **weg*'h-, в лат. *vehere* 'везти', греч. ὄχος 'колесница, повозка' и пр.¹⁹⁶

Относительно клинописной транскрипции иноязычного звука *zh* (звонкий аспирированный палатальный) посредством *š* следует учесть, что в хеттской клинописи *š* передавало не только [s], но и [z], и [ž], поскольку обычная фонетическая значимость *z* — африката [ts]¹⁹⁷. Кроме того, в связи с предполагаемым Дьяконовым (1970, стр. 57) произношением арийского заимствования в хурритском как [wašana] здесь уместно указать на графические ко-

¹⁹² Ср.: В. Rosenkranz. [Рец. на:] Kammenhuber 1961, — IF, 1, 68, 1, 1963, стр. 87.

¹⁹³ См.: Potratz 1938, стр. 211 сл.; вслед за ним Friedrich HW, стр. 248; там же значения 'стадион, ипподром' даны с вопросом; Kronasser 1956, стр. 223; 1963, стр. 145; Kammenhuber 1961, стр. 364; ср. 1968, стр. 208; ср.: Maughofer 1959, стр. 86; Wb., Lief. 20, стр. 175 — в обоих сомнения в правильности данной идентификации.

¹⁹⁴ Wackernagel—Debrunner II, 2, стр. 195; Maughofer Wb., Lief. 20, стр. 171; там же сомнение в указанной реконструкции вопреки Kronasser 1963, стр. 145; 1956, стр. 223 и другим авторам.

¹⁹⁵ Hauschild 1958, стр. 89; вслед за ним Maughofer 1959, стр. 86; 1964, стр. 175; 1966, стр. 18, прим. 5, 20; ср.: Kammenhuber 1968, стр. 208.

¹⁹⁶ Иванов (1968, стр. 385 сл.) наиболее убедительным для индоиранского происхождения *ṣašanna* считает согдийское слово.

¹⁹⁷ По поводу клинописной передачи *-zh-* см.: Veneniste 1962, стр. 9, Maughofer 1964, стр. 175.

лебания $z : \dot{s}$ в хеттской клинописи, ср. *zama(n)kur* 'борода': *ša-tankurqant-* 'бородатый' — др.-инд. *śmaśru-* 'борода', особенно при передаче многочисленных хурритских святых, ср. в хеттском контексте *Šarīnuca*: в хурритском — *Zarīnuca* и др.¹⁹⁸

Остается добавить в заключение, что в обоих рассмотренных случаях предписывается тренировать лошадей на *cašanna* в полночь, см. Kik. III, IV, 13—14; IV, Rs. 20: *INA EM.NU.UN MURUB tu-u-ri-ia-an-zi na-aš* 'теперь их запрягают в полночь'.

LÚ *a-aš-šu-uš-ša-an-ni* 'тренер лошадей', 'конюший' — титул, которым в первой строчке своего трактата именует себя Киккули: *UM.MA 1Ki-ik-ku-li LÚ a-aš-šu-uš-ša-an-ni ŠA KUR URUMi-it-ta-an-ni* 'следующее (говорит) Киккули — тренер лошадей из страны Митанни'.

Клинописная запись титула, очевидно, читавшегося *ašuašanni*, с самого начала была воспринята как фиксация сложного слова, первый компонент которого соответствует др.-инд. *áśva-* 'лошадь'¹⁹⁹, и всему композиту, учитывая также наличие детерминатива LÚ, приписано указанное выше значение²⁰⁰.

Менее однозначно объяснение второй части, формально допускающей на почве индоиранских языков (в частности, индоарийского), по крайней мере, два толкования. Одно, предложенное Педерсеном²⁰¹, имеет в виду др.-инд. (Samh.) *aśva-sāni-* 'доставляющий, приобретающий коней'; сюда же вариант ригвед. *aśva-śā-*²⁰², тогда митаннийское слово должно бы обозначать титул чиновника, доставляющего (покупающего) коней, что только с большой натяжкой применимо, если вообще возможно, к автору наставлений по коневодству.

Во многих отношениях правдоподобнее интерпретация Бейли²⁰³, с некоторыми модификациями, разделяемая Майрхофером²⁰⁴, трактуемая *a-aš-šu-uš-ša-an-ni* = *ašuašanni* как индоар. **aśva-sā(m)-*, оформленное хурритским морфологическим элементом *-nni*²⁰⁵, и со вторым компонентом, восходящим к др.-инд. *śam-*, согласно Майрхоферу, 'утомлять, тренировать'. Определенная слабость этой реконструкции заключается в том, что в древнеиндийском ана-

¹⁹⁸ О графическом колебании $\dot{s} : z$ см.: Kropasser 1962, стр. 47 сл.

¹⁹⁹ Об эквивалентности и варьировании в хеттской клинописи \dot{u}/u с \dot{ca} см. подробно: Kropasser 1962, стр. 77; Friedrich, 1960, стр. 27, а также выше относительно идентификации $\dot{u}-ru-ya-na-$ с *Vāruṇa-*.

²⁰⁰ Hrozny 1931, стр. 438 сл.; Friedrich HW, стр. 37.

²⁰¹ Pedersen 1938, стр. 138 сл.

²⁰² Wackernagel-Debrunner II, 2, стр. 31.

²⁰³ Bailey 1957, стр. 64 сл.

²⁰⁴ Maughofer 1959a, стр. 8 сл.; 1959, стр. 87.

²⁰⁵ *-(n)ni*, *-ne*—хурритская соотносительно-определятельная частица ед. ч. (мн. ч. *-na* — см. выше, стр. 295), выполняющая функции суффиксированного определенного (постпозитивного) артикля (Дьяконов 1967, стр. 137 сл.; Maughofer 1959a, стр. 1 сл.; Kammenhuber 1968, стр. 77a, 127 сл., 224 сл. и др.).

логичное сложение не засвидетельствовано, как, впрочем, кажется, и значение 'тренировать' у др.-инд. *śam*-²⁰⁶.

Тем не менее высказанная гипотеза может претендовать на большую долю правдоподобия в силу полного генетико-типологического соответствия, наблюдаемого в греч. ἵππο-κόμος 'конюх; коновод, сопровождающий всадника в походе', букв. 'заботящийся о коне, кормящий коня', в котором κόμος, эквивалентное др.-инд. *śam* (*a*)-, образовано от κομέω 'заботиться, холить', '(со) держать, кормить (коней)', являющегося, наряду с κορίζω, итеративно-интенсивным образованием от первичного глагола κάμω 'трудиться до усталости, работать до изнеможения, уставать, утомляться и пр.'; последний полностью совпадает с др.-инд. медиальной формой *śam-nī-te* 'утомляться, работать', ср. греч. тематический аорист ἔ-χαμ-ε = др.-инд. *a-śam-a-t*²⁰⁷. Все сказанное определяет вполне соответствующее содержанию трактата значение клинописного *a-aš-šu-uš-ša-an-ni* <индоар. **ašvasām*- + хурр. *-nni* 'конюх, гесп. тренер лошадей'²⁰⁸. См., кроме того, выше о личных именах или эпитетах *Bartašya* <индоар. **Bhṛta-aśva-* и *Briaššūya* <индоар. **Priya-aśva-*.

В дополнение к рассмотренным арийским апеллативным вкраплениям, засвидетельствованным в хеттском трактате Киккули, которым мы склонны, как это явствует из изложенного материала, приписать в пределах индоиранских языков индоарийское происхождение (совокупность аргументов см. ниже), целесообразно здесь указать еще на три лексических проникновения той же диалектной окраски; все они отмечены в списке лошадей из Нузы и относятся, что для нас особенно показательно в данном случае, к семантической сфере коневодства, обозначая масти лошадей (либо возраст). К ним Зоден впервые в 1957 г. указал древнеиндийские параллели²⁰⁹.

ba/pa-ab/p-ru(-un)-nu = *b/pab/pru-nnu* ~ ригвед. *babhrú-* 'кочичневый, гнедой', применяемое в Ригведе к лошадям, корове, а также выступающее в качестве личного имени певца, подопечного Ашвинов²¹⁰. Авест. *bawra-* имеет значение 'бобр', подобно большинству родственных словоформ в других индоевропейских

²⁰⁶ Ср.: Grassmann, стб. 1378 сл.: 'wirken, arbeiten, tätig sein'; Wackernagel—Debrunner I, стр. 196: 'sich mühen'; Mayrhofer Wb., Lief., 22, стр. 325; 'sich mühen, arbeiten'.

²⁰⁷ Mayrhofer Wb., Lief. 22, стр. 326; Frisk I, стр. 773, 908; возражения Фриску по поводу производности κομέω от κάμω и в связи с этим критика изложенной гипотезы, высказанные Кронассером, нам не кажутся обоснованными (Kronasser 1963, стр. 143 сл.); ср. в поддержку этимологии Педерсена: Kronasser, 1957, стр. 186.

²⁰⁸ Против индоиранской и вообще арийской этимологии данного слова см.: Kammenhuber 1968, стр. 208 сл.; Дьяконов, стр. 57.

²⁰⁹ Soden 1957, стр. 336 сл.

²¹⁰ Grassmann, стб. 899; Mayrhofer Wb. II, стр. 409.

языках. $-(n)ni$ — аккадизированная форма характеризованного выше хурритского элемента $-n(ni)$.

$bi/pi-in-ka_4-ra-an-nu = b/pinkara-nnu \sim$ др.-инд. $piṅgalā-$ 'красноватый, коричнево-желтый' (и.-е. * $peig-$ в лат. $pingere$ и пр.)²¹¹. Трудность, как и в помещенном ниже слове, в идентификации аккад. r и др.-инд. этимологического l (относительно данного слова ср. греч. $πίγγαλος$ 'вид ящерицы'). Поскольку в древнеиндийском наблюдается дублетность форм с l/r , ср. $tumula/tumura-$ 'шумный и пр.' с возможным этимологическим l , ср. лат. $tumultus$ 'шум и пр.'²¹², то предположение о возможности «западного» диалектного r , объединившего рефлексы этимологического l и r , в противоположность ведийской («восточной») трактовке, не лишено известных оснований. Иранские языки как будто не обнаруживают прямой параллели данному др.-инд. слову, восходящему к и.-е. корню * $peig-$ с задненёбным непалатальным в исходе; авест. глагольная основа $paēs-$ 'делать пестрым, украшать' предполагает и.-е. $peik'$ ²¹³.

$ba/pa-ri-it-ta-an-nu = b/paritta-nnu \sim$ ригвед. $palitā-$ 'серый, седой (altersgrau)', как и в предыдущем примере, l этимологическое, ср. греч. $πέλιτρος$ 'серый', лат. $pallidus$ 'бледный и пр.' — и.-е. * $plei(-to)$ ²¹⁴. Приводимое Майрхофером²¹⁵ в качестве иранской параллели авест. $po^r-uša-$ 'серый, седой', в частности в личном имени $po^ruš(a)-aspa-$, формально имеет более непосредственную связь с др.-инд. $paruśāh$ 'пятнистый, пестрый' (из и.-е. $pol-k'o-$), чем с $palitāh$ (из и.-е. * $pelito-$)²¹⁶.

Предположительные арийские этимологии остальных нескольких слов, встречающихся в хурритских и аккадских текстах, даже такая общепризнанная и заманчивая интерпретация, как $marjanni <$ индоар. $mārya-$ 'юноша, герой', пока следует признать, по крайней мере, равновероятными, а отдельные — даже менее вероятными, чем толкования, возможные на почве туземных

²¹¹ Maughofer Wb. II, стр. 268. Зоден дает фонетически трудно поддающееся обоснованию сопоставление с др.-инд. $piñjāra-$ 'золотистый', возм. 'буланный', родственным указанному $piṅgalā-$ (Soden 1957, стр. 336 сл.).

²¹² Maughofer Wb. I, стр. 512; прочие примеры дублетных форм в древнеиндийском см.: Wackerpachgel-Debnun I, стр. 214 сл.

²¹³ Подробно см.: Maughofer Wb. II, стр. 267; ср. Pokorny, стр. 794.

²¹⁴ Maughofer Wb. II, стр. 234 сл.; сравнение Зодена с санскр. $bharita-$ 'gefüllt, gepflegt, grün' менее правдоподобно по реально-семантическим моментам (см.: Gronasser 1957, стр. 186).

²¹⁵ Maughofer 1959, стр. 92.

²¹⁶ Pokorny, стр. 804. Ко всем трем интерпретациям см.: Maughofer 1958 (кажется, впервые предложено сравнение с $piṅgalā-$ и $palitā-$); подробнее: Maughofer 1959a, стр. 1 сл.; 1959, стр. 88; 1966, стр. 19; Gronasser 1957, стр. 182, 186 сл.; 1963, стр. 145 сл.; Soden 1959, стр. 94, 107; сомнения при тщательном разборе: Kaimenhuber 1968, стр. 211 сл.; ср.: Дьяконов 1970, стр. 57 сл.

переднеазиатских языков ²¹⁷. Помимо того, спорные с точки зрения арийской принадлежности апеллативы, за исключением упомянутого *marjanni*, выходят за рамки сферы коневодства, не составляя более или менее однородного семантического поля, и не располагают поэтою преимуществами, предоставляемыми этимологической методикой групповой реконструкции. Может быть, последнее обстоятельство не случайно, так как не исключено, что арийское влияние на хурритов шло главным образом по линии коневодства и было особенно ощутимым в практике эффективной тренировки коней, впряженных в легкую боевую колесницу.

Таково в достаточной степени эскизное истолкование известного в настоящее время конкретно-лингвистического материала, на котором базируется круг проблем, связанных с так называемыми «переднеазиатскими» арийцами. Теперь остается из ряда более общих задач, в том числе внелингвистических, попытаться, суммируя сравнительно однозначно толкуемые факты, уточнить в пределах возможного на современной ступени наших знаний принципиально важный во многих отношениях вопрос о диалектной принадлежности переднеазиатских отложений в рамках индоиранского лингво-этнического мира.

Здесь возможно не менее четырех решений. Теоретически источником рассмотренных вкраплений в клинописные тексты (resp. языки) Передней Азии могли оказаться: 1) индоиранский (праарийский), еще не расчлененный на два диалекта в степени, поддающейся учету; 2) иранский; 3) индоарийский; 4) член какой-то третьей, больше нигде не засвидетельствованной индоиранской группы языков. Второе предположение, высказанное еще в начале века Мейером ²¹⁸, отпало давно. Более заслуживающее внимания — четвертое, высказываемое Барроу ²¹⁹ и др. и которого до 1961 г. придерживался Майрхофер ²²⁰, в настоящее время значительно потеряло свою актуальность.

Если же окажется, что из двух оставшихся альтернатив, индоарийский тезис более соответствует действительному состоянию вещей (см. ниже синтез аргументов в его пользу) ²²¹, то воз-

²¹⁷ Всесторонний разбор этих случаев см.: Камменхубер 1968, стр. 211—232; ср.: Дьяконов 1970, стр. 58—59; впрочем, ср. категорически об арийском происхождении *marjanni*: Э. А. Грантовский. Арии и Передний Восток во II тысячелетии до нашей эры (возможности субъективного и объективного подхода к проблеме). — «V Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов». Тбилиси, 1971, стр. 91.

²¹⁸ E. Meyer. Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache und der zoroastrischen Religion. — KZ 42, 1909, стр. 17 и др.

²¹⁹ Burrow 1955, стр. 29.

²²⁰ Maughofer 1959, стр. 95; ср.: Топоров 1962, стр. 62 сл.; особенно: Дьяконов 1970, стр. 60.

²²¹ Противоположный индоиранский тезис, во всяком случае в трактовке Камменхубер, не столь непримиримо, как это может показаться на первый

никает другой ряд также альтернативно решаемых проблем. В контакт с хурритами предположительно могли вступить: 1) целиком вся группа индоарийских племен по пути в Пенджаб (Кречмер²²², Бранденштайн²²³); 2) племенные группы или военные отряды выходцев из той этнической части «арийцев», которая впоследствии заселила Индустан (Майрхофер²²⁴, Хаушильд²²⁵ и др.); 3) ранневедийские вооруженные группы исторических индийцев²²⁶.

Первая теза кажется нереалистичной как по причинам лингвистическим, например отсутствие в древнеиндийском заимствований из языков Передней Азии, так и по мотивам культурно-исторического порядка, в частности это противоречит общепринятой датировке появления основной массы индоарийских племен в Пенджабе (середина II тысячелетия или несколько раньше). Третья теза прежде всего не укладывается в рамки хронологии: контакты с хурритами, которые уже в XV—XIV вв. сохранили аризмы в виде анахронистических окаменелостей, приходится на конец XVIII—начало XVII в. (см выше), т. е. на период до прихода индоарийцев в места исторического обитания; стремление Кронассера обнаружить субстратные заимствования из туземных языков Индии, принесенные ранневедийскими индийцами в Переднюю Азию, ограничились др. инд. *manī-* 'ожерелье' (> переднеазиатское *maninni* 'род украшения') — словом совершенно неясной этимологии²²⁷.

Нам представляется, что рассмотренные факты достаточно веско свидетельствуют о происхождении переднеазиатских арийских лингвистических вкраплений из какого-то раннеиндоарийского диалекта, равноправного по отношению к позже засвидетельствованным диалектам Индустана, отнюдь не покрывающегося последними. Скорее всего следует думать о какой-то самой ранней переселенческой волне или чисто военной экспансии через Кавказ в сторону Индии племен из этнической среды, образовавшей

взгляд, альтернативен, так как она признает языковую ориентацию переднеазиатских аризмов на ту часть неразделенного праиндоиранского лингво-этнического единства, из которого позднее выделились племена, переселившиеся в Индию (K a m m e n h u b e r 1968, стр. 234 сл., 17); см. также определение «urarisch altindischer Dialektprägung» (K a m m e n h u b e r 1954, стр. 119; 1961a, стр. 18); аналогичное предположение: Дьяконов 1970, стр. 59; ср. термин Дюмезиля «para-Indiens» (D u m é z i l 1952, стр. 14); ср. при этом старое — более прямолнейное — суждение Порцига о разделении индоиранского в послемитаннийский период (W. P o r z i g. Kleinasiatisch-Indische Beziehungen. — ZII 5, 1—3, 1927 стр. 279 сл.).

²²² K r e t s c h m e r 1944, стр. 36 сл.

²²³ B r a n d e n s t e i n 1948, стр. 145.

²²⁴ M a y r h o f e r 1966, стр. 39 сл.

²²⁵ H a u s c h i l d 1962, стр. 49 сл.

²²⁶ K r o n a s s e r 1963, стр. 151 сл.

²²⁷ См.: M a y r h o f e r Wb. II, стр. 556 сл., где предлагается его индоевропейская интерпретация.

спустя два-три века основную массу исторических индоарийцев (вторая теза). При этом, по всей вероятности, следует считаться с диалектно расчлененной общностью индоиранских языков уже, по крайней мере, к концу III тысячелетия, если не ранее, что находится в полном соответствии с выводами современной ареальной лингвистики относительно диалектного членения индоевропейского языкового пространства, включая диалектное дробление индоиранского. Прямым подтверждением этому могут служить и особые, в ряде случаев архаические, раннеиндоарийские черты, вскрываемые в переднеазиатских отложениях. Именно в этом отличном от протоиранского диалектном кругу возникли те специфически ранневедийские религиозные представления и некоторые поэтические фигуры, в совокупности с отдельными лексико-морфологическими инновациями, которые нашли достаточно адекватное отражение в переднеазиатских клинописных текстах на всех трех уровнях: антропонимическом, теофорном и апеллативном.

Синтез доказательств в пользу «раннеиндоарийской» гипотезы может быть представлен следующей совокупностью лингвистических фактов:

1. Структурно-семантическое совпадение религиозно-клятвенной формулы из митаннийского договора с ритуально-поэтическим фрагментом Ригvedы, содержащими имена богов *Mitrá-*, *Váruna-*, *Índrā-*, *Násatyā* (= *Aśvínā*) при отсутствии в иранском пантеоне следов *Váruna-*, как и следов *Agni-*, и теофорной основы *sūrya-*, также засвидетельствованных в клинописных памятниках Передней Азии.

2. Адекватное отражение в значительной части митаннийских сложных личных имен формульно-поэтических отрезков (resp. оборотов) Ригvedы, ср.: *Artatama~rtásya dhāma*, Samh. *rtá-dhāman-*, *Bartašya~(sám-)bhṛtaśva-: Btridašya~prñitáśvān- (ásvān pri-), vājī ná prītáh; Sattaṣaza~vája~sāt-*, *vāja-sáni-/sā-*, либо *satá-vāja; Birjatti~priyá-atithi-*. В ряде случаев Ригveda содержит родственные грамматические формы реконструированным переднеазиатским ономастическим основам, например *Birjazzana* < **priya-jana~priya-jata*. В данную группу следует включить переднеазиатские композиты, которым в Ригvedе соответствуют функционально тождественные поэтические фигуры или типологически сходные личные имена, где в одном из компонентов выступает синоним, иногда лексема, относящаяся к той же семантической сфере, ср. *Brišašyuca~háripriya~Priyá-ratha-*.

3. Полнолексемные соответствия между переднеазиатскими антропонимическими композитами и ономастическими образованиями Ригvedы с последующей трактовкой на индоарийском апеллативном уровне: *Mittaratti = Mitrātithi-*; *Indaruta = Indrotá, Indra-ūtá-*; *Šubandu = Subándhu-*.

4. Тождество одноосновных митаннийских личных имен с ономастико-апеллативной лексикой Ригvedы: *Zitra = Citra-, citrá-*;

Supra = *subhrá-*; *Satuçana*, *Satuça* = *sátvan-*, *satvaná-*; *Tugra* = *Túgra-*.

5. На фоне общей непротиворечивой трактовки переднеазиатского апеллативного лингвистического слоя на почве языка Ригvedы, без предположения каких-либо промежуточных фонетико-морфологических ступеней, особую доказательную силу в аспекте защищаемого нами тезиса приобретают:

а) апеллативы и ономастические лексемы (основы), имеющие специфически «(ранне) индоарийский» фонетический и словообразовательный вид: *ai-ka* ~ ригвед. *éka-* < **ai-ka*, ср. авест. *aē-va* и пр.; *Sur(i)-iaš* ~ ригвед. *sūr-yaś* (им. п.), ср. авест. *hvar-*, *x'an-*; *-atti* ~ ригвед. *átithi-* < индоиран. **at̥thi-* при авест. *asti*;

б) апеллативы, соотносимые с индоарийскими лексемами, но не обнаруживающие параллелей в иранских языках вообще или имеющие таковые не на уровне цельных лексем: *b/pinkara-nnu* ~ ригвед. *piṅgalá-*; *b/paritta-nnu* ~ ригвед. *palitá-* (авест. *po^r-uša-*, представляя иной словообразовательный тип, морфемно соответствует ригвед. *paraśá-*); *-çartanna* ~ ригвед. *vartanī-*.

Рассматривая приведенную сводку сопоставительного материала, необходимо учитывать, что при исследовании лексических заимствований определяющей доказательной силой обладают сравнительные факты на уровне цельных лексем, когда тождества охватывают не только формальную, но и семантическую сторону. Поэтому наличие в нашем случае родственных форм в иранских языках с неполным набором совпадающих морфем (уровень корня), например *-çartanna* ~ ригвед. *vartanī-*, но ср.-перс. *vartišn* 'скаковой круг, который объезжают до девяти раз'²²⁸, не препятствует постулированию индоарийского тезиса. С другой стороны, этому не мешает и выявление в указанных языках целнo-лексемных тождеств из разряда таких устойчивых словоформ, как числительные или даже единичные эквивалентные факты из других более подверженных изменению областей лексики, ср. *vartanzi* ~ ригвед. *vart-* = авест. *var^t-*; *çasanna* ~ ригвед. *vāhana-* < раннеиндоар. **vāzhana-* ~ согд. *wzn*, поскольку это может быть обусловлено общими пережитками генетической и ареальной близости индоиранских языков в эпоху, предшествовавшую движению на юго-восток в направлении Пенджаба.

В заключение еще несколько замечаний более общего порядка. Незначительная в целом мощь и в подавляющем числе глоссовый характер апеллативного слоя индоарийских отложений в языках Передней Азии — считаем себя теперь вправе употребить этот термин без оговорок — не дает возможности говорить о каком-то доминирующем влиянии, тем более господстве, арийцев в государстве Митанни. Вероятнее всего, это были какие-то небольшие социальные группы, занимавшие, видимо,

²²⁸ Herzfeld 1938, стр. 169.

привилегированное положение, о чем свидетельствует сохранившаяся в переднеазиатских текстах антропонимика, и полностью ассимилированных к XV—XIV вв. хурритами ²²⁹. Предположения о каком-то хуррито-арийском двуязычии или симбиозе на основании дошедшего материала следует пока признать мало правдоподобными.

Далее, исторические ареальные контакты индоарийского с языками Передней Азии не выходили за пределы хурритского. Единственно возможное проникновение, засвидетельствованное вне трактата Киккули (*Ag/kni-*), как и термины, использованные в указанном памятнике, предполагает хурритское посредство.

В таком случае ряд хеттских слов, отмеченных в текстах раннехеттского и новохеттского периода, помимо наставления по коневодству Киккули, обнаруживающие в кругу индоевропейских языков исключительные соответствия в индоарийском, следует отнести за счет ареальных, хетто-«индоарийских» отношений в преанатолийский период. Детальный анализ этих лексем и попытка пространственной проекции хетто-арийских региональных лингво-этнических контактов явятся предметом наших дальнейших разысканий ²³⁰.

С о к р а щ е н и я л и т е р а т у р ы

Абаев РОСл	В. И. Абаев. Русско-осетинский словарь. М., 1950.
Абаев ИЭС I	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М.—Л., 1958.
Абаев 1965	В. И. Абаев. Предисловие к кн.: Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
Абаев 1965а	В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
Бенвенист 1959	Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский. (Перевод с нем.). — «Тохарские языки», М., 1959.
Бенвенист 1965	Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. (Перевод с франц.). М., 1965.
Гамкрелидзе 1964	Т. В. Гамкрелидзе. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964.
Гиндин 1967	Л. А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
Гиндин 1971	Л. А. Гиндин. К генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя. — ВЯ 1971, 1.
Дьяконов 1967	И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
Дьяконов 1968	И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
Дьяконов 1970	И. М. Дьяконов. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. — ВДИ 1970, 4.

²²⁹ Подробно о внеязыковом аспекте проблемы см.: Каттенихубер 1968; Дьяконов 1970.

²³⁰ Ср.: Гиндин 1971, стр. 47 сл.

- Иванов 1958 Вяч. В. Иванов. Проблема языков centum и satem. — ВЯ 1958, 4.
- Иванов 1962 В. В. Иванов. Культ огня у хеттов. — «Древний мир». Сб. статей [посвящается] акад. В. В. Струве. М., 1962.
- Иванов 1963 В. В. Иванов. Хеттский язык, М., 1963.
- Иванов 1963a Вяч. В. Иванов [Рец. на кн.:] E. Benveniste. Hittite et indo-européen — ВЯ 1963, 4.
- Иванов 1965 Вяч. Вс. Иванов. Общиневропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- Иванов 1968 Вяч. Вс. Иванов. О языковой принадлежности арийских элементов в ближневосточных текстах 2-го тысячелетия. — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г. М., 1968.
- Иванов 1968a Вяч. Вс. Иванов. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. — «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1968.
- Иванов—Топоров 1960 В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960.
- Миллер 1962 В. Ф. Миллер. Язык осетин. М.—Л., 1962.
- Миллер—Фрейман В. Ф. Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь. Под ред. и с дополнениями А. А. Фреймана, I—III. Л., 1927, 1929, 1934.
- ОРСл. Осетинско-русский словарь. Под общей ред. А. М. Касаева, М., 1952.
- Порциг 1964 В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. (Перевод с нем.). М., 1964.
- Топоров 1962 В. Н. Топоров. О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии. — «Топонимика Востока». М., 1962.
- Bailey 1957 H. W. Bailey. A problem of the Indo-Iranian Vocabulary. — «Rocznik orientalistyczny» XXI, 1952.
- Balkan 1954 W. Balkan. Kassitenstudien, 1. Die Sprache der Kassiten. New Haven, 1954.
- Benveniste 1954 E. Benveniste. Etudes hittites et indoeuropéennes. — BSL 50, 1, 1954.
- Benveniste 1962 E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962.
- Brandenstein 1948 W. Brandenstein. Die alten Indes in Vorderasien und die Chronologie des Rigweda. — «Frühgeschichte und Sprachwissenschaft», hrsg. v. W. Brandenstein. Wien, 1948.
- Burrow 1955 T. Burrow. The Sanskrit language. London, 1955.
- Collinder Wb B. Collinder. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic languages. Stockholm, 1955.
- Dumézil 1945 G. Dumézil. Naissance d'Archanges, essai sur la formation de la théologie zoroastrienne (= Jupiter Mars Quirinus III). Paris, 1945.
- Dumézil 1947 G. Dumézil. Mitra-Varuṇa, Indra, les Nāsatya, comme patrons des trois fonctions cosmiques et sociales. — «Studia Linguistica» 1, 1947.
- Dumézil 1948 G. Dumézil. Mitra-Varuṇa. Essai sur deux représentations indo-européennes de la Souveraineté. Paris, 1948.

- Dumézil 1952 G. Dumézil. Les Dieux des indo-européens. Paris, 1952.
- Dumézil 1961 G. Dumézil. Les «trois fonctions» dans le R̥gVeda et les dieux indiens de Mitanni.— «Académie royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques» 47, 1961.
- Dumont 1947 P.-E. Dumont. Indo-Aryan Names from Mitanni, Nuzi, and Syrian Documents.— JAOS 67, 4, 1947.
- Eilers—Mayrhofer 1960 W. Eilers, M. Mayrhofer. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? (Eine Nachprüfung). — «Die Sprache» VI, 2, 1960.
- Friedrich 1943 J. Friedrich. Mitraššil Uruṇanaššel.— «Orientalia», N. S. 12, 1943.
- Friedrich HW J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter. Heidelberg, 1952—1954.
- Friedrich HW Erg. J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Ergänzungsheft I—III. Heidelberg, 1957, 1961, 1966.
- Friedrich 1960 J. Friedrich. Hethitisches Elementarbuch, I. Heidelberg, 1960.
- Frisk Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Heidelberg, 1960—1970.
- Gelb—Purves—MacRae 1943 I. J. Gelb, P. M. Purves, A. A. MacRae. Nuzi personal names. Chicago, 1943.
- Grassmann H. Grassmann. Wörterbuch zum Rig-Veda. 3., unveränderte Aufl. Wiesbaden, 1955.
- Gusmani 1968 R. Gusmani. Il lessico ittito. Napoli, 1968.
- Hauschild 1958 A. Thumb. Handbuch des Sanskrit, I—III. 3., stark umgearb. Aufl. v. R. Hauschild. Heidelberg, 1958.
- Hauschild 1962 R. Hauschild. Über die frühesten Arier im alten Orient. Berlin, 1962.
- Herzfeld 1938 E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938.
- Hrozný 1921 F. Hrozný. Un dieu hittite Ak/gnis. — RA 18, 1921.
- Hrozný 1931 B. Hrozný. L'entraînement des chevaux chez les anciens Indo-Européens d'après un texte mitannien provenant du 14e siècle av. J.-C. — ArOr 3, 1931.
- Jacobsohn 1922 H. Jacobsohn. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922.
- Kalima 1936 J. Kalima. Über die indoiranischen und baltischen Lehnwörter der ostseefinnischen Sprachen. — «Festschrift für H. Hirt» II. Heidelberg, 1936.
- Kammenhuber 1954 A. Kammenhuber. Zu den hethitischen Pferdetexten. — FuF 28, 1954.
- Kammenhuber 1959 A. Kammenhuber. [Рец. на кв.:] J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Ergänz. I. — OLZ 54, 1—2, 1959.
- Kammenhuber 1959a A. Kammenhuber. Zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe. — KZ 76, 1—2, 1959.
- Kammenhuber 1961 A. Kammenhuber. Zur Stellung des Hethitisch-Luvischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache. — KZ 77, 1—2, 1961.
- Kammenhuber 1961a A. Kammenhuber. Hippologia hethitica. Wiesbaden, 1961.
- Kammenhuber 1967 A. Kammenhuber. [Рец. на кв.:] Mayrhofer 1966. — IF 72, 1—2, 1967.
- Kammenhuber 1968 A. Kammenhuber. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.
- Kammenhuber 1969 A. Kammenhuber. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch. Handbuch der Orienta-

- listik, II, Lief, 2. Altkleinasiatische Sprache. Leiden—Köln, 1969.
- Knudtson 1915 J. A. Knudtson. Die El-Amarna-Tafeln mit Einleitung und Erläuterung I—II. Leipzig, 1915.
- Kretschmer 1926 P. Kretschmer. Varuna und die Urgeschichte der Inder. — WZKM XXXIII, 1—2, 1926.
- Kretschmer 1927 P. Kretschmer. Zum Ursprung des Gottes Indra. — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», phil.-hist. Klasse, 64, Jg, 1927, № VII, 1928.
- Kretschmer 1928 P. Kretschmer. Weiteres zur Urgeschichte der Inder. — KZ 55, 1928.
- Kretschmer 1944 P. Kretschmer. Inder am Kuban. — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», phil.-hist. Klasse 80. Jg. 1943, № 1—XV, 1944.
- Kronasser 1957 H. Kronasser. Indisches in den Nuzi-Texten. — WZKM LIII, 3—4, 1957.
- Kronasser 1963 H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache, Lief. 2. Wiesbaden, 1963.
- Lacheman 1958 E. R. Lacheman. Excavations at Nuzi VII. — HSS XVIII, 1958.
- Laroche 1947 E. Laroche. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947.
- Mayrhofer Wb. M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen I—II; Lief. 19—22. Heidelberg, 1956—1970.
- Mayrhofer 1958 M. Mayrhofer [Рец. на кн.:] Thumb — Hauschild I. — DLZ 79, 9, 1958.
- Mayrhofer 1959 M. Mayrhofer. Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien. — «Die Sprache» V, 1959.
- Mayrhofer 1959a M. Mayrhofer. Über einige arische Wörter mit hurrischen Suffix. — AION, sez. linguistica, I, 1, 1959.
- Mayrhofer 1961 M. Mayrhofer. Der heutige Forschungsstand zu den indoiranischen Sprachresten in Vorderasien. — ZDMG 111, 2, 1961.
- Mayrhofer 1964 M. Mayrhofer. «Hethitisch und Indogermanisch». Gedanken zu einem neuen Buche — «Die Sprache» X, 2, 1964.
- Mayrhofer 1960 M. Mayrhofer. Indo-Iranische Sprachgut aus Alalah. — IJ IV, 2—3, 1960.
- Mayrhofer 1965 M. Mayrhofer. Zur kritischen Sichtung vorderasiatisch-arischer Personennamen. — IF 70, 2, 1965.
- Mayrhofer 1965a M. Mayrhofer. Zu den Zahlwortkomposita des Kikkuli-Textes. — IF 70, 1, 1965.
- Mayrhofer 1965b M. Mayrhofer. Hethitisches und arisches Lexikon. — IF 70, 3, 1965.
- Mayrhofer 1966 M. Mayrhofer. Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966.
- Nougayrol 1956 J. Nougayrol. Textes accadiens des archives Sud (Archives internationales). (= Le palais royal d'Ugarit IV). Paris, 1956.
- Otten—Mayrhofer 1965 H. Otten, M. Mayrhofer. Der Gott Akni in den hethitischen Texten und seine indo-arische Herkunft. — OLZ 60, 11—12, 1965.
- Pedersen 1938 H. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. Kopenhagen, 1938.
- Pokorny J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.
- Porzig 1954 W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.

Potratz 1938	H. A. P o t r a t z. Das Pferd in der Frühzeit. Rostock, 1938.
Soden 1957	W. S o d e n. [Рец. на кн.:] HSS XV, 1955 (=Excavations at Nuzi VI. — ZA 18 (52), 1957.
Soden 1959	W. S o d e n. Akkadischen Handwörterbuch, Lief. 2. Wiesbaden, 1959.
Speiser InH	E. A. S p e i s e r. Introduction to Hurrian. — «The Annual of the American Schools of Oriental Research», 20, 1940/1941.
Thieme 1960	P. T h i e m e. The «Aryan» Gods of the Mitanni Treaties. — JAOS 80, 4, 1960.
Thumb—Hauschild	см. Hauschild 1958.
Weidner BoSt	E. F. W e i d n e r. Politische Dokumente aus Kleinasiens. Die Staatsverträge in Akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi.—«Boghazköi-Studien» 8. Leipzig, 1923.
Wiseman 1953	D. J. W i s e m a n. The Alalakh Tablets. London, 1953.
ВДИ	Вестник древней истории
ВЯ	Вопросы языкознания
AION	Annali del Istituto orientale di Napoli
AnOr	Analecta Orientalia
ArOr	Archiv orientální
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
DLZ	Deutsche Literaturzeitung
FuF	Forschungen und Fortschritte
HSS	Harvard Semitic Series
IF	Indogermanische Forschungen
IJ	Indo-Iranien Journal
JAOS	Journal of the American Oriental Society
JCS	Journal of Cuneiform Studies
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.
OLZ	Orientalistische Literaturzeitung
PdP	La parola del Passato
RA	Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale
RIL	Rendiconti dell'Istituto lombardo de scienze e lettere
WZKM	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZA	Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZII	Zeitschrift für Indologie und Iranistik

КАК АПОСТОЛ ПЕТР СТАЛ НЕПТУНОМ

Взаимодействие между религиозными системами напоминает во многом взаимодействие между языковыми системами. Если контакты носят маргинальный характер, то там и тут могут наблюдаться случаи заимствования отдельных элементов одной системы в другую. Если же имеет место наложение одной системы на другую, то, в случае с религиями, может на какой-то период бытовать двоеверие, подобное двуязычию. Если же, в дальнейшем, одна система побеждает и заменяет другую, то элементы старой, побежденной системы могут, в случае с религиями, «просвечивать» и распознаваться как субстрат, подобный языковому субстрату. У осетин, как и у других европейских народов, воспринявших в свое время христианство, мы находим богатый и интересный материал для иллюстрации того, что такое религиозный субстрат. Сквозь оболочку христианства у них более или менее явственно проступают черты, унаследованные от дохристианского, «языческого» прошлого. В сущности, говорить о «победе» христианства, когда речь идет о христианизации осетин (и не только осетин), приходится весьма условно. Победа была, во всяком случае на первых порах, чисто внешняя, формальная. Усваивалась христианская терминология, языческим божествам давались имена христианских святых, содержание же дохристианских верований, а также ритуал полностью или в значительной мере сохранялись в новой оболочке. Религиозный «переворот» при ближайшем рассмотрении оказывался переворотом терминологическим и ономастическим. Св. Георгий воспринял черты языческих героев-змееборцев¹, славянский Перун превратился в Илью Пророка, «скотий бог» Велес — в св. Власия и т. п.²

Осетины знали высшего бога, *xisaw*. Но, как правильно замечает В. Миллер, «это существо для него [осетина] слишком

¹ См.: М. Мейер. Ueber die Verwandtschaft heidnischer und christlicher Drachentöter. — «Verhandlungen der XL. Versammlung deutscher Philologen». Leipzig, 1890, стр. 336 сл.

² А. Ранович. Происхождение христианского культа святых. М., 1931, стр. 49.

далеко, слишком недоступно, безлично и неуловимо: в повседневной жизни счастье и несчастье зависят, по их представлениям, от вмешательства других сил, заведующих разными областями природных явлений. . . От одного из этих духов зависит урожай хлеба, от другого — обилие и здоровье домашнего скота, третий заведует дикими животными и дает удачу на охоте, четвертый посылает урожай меду и т. д. Между духами есть и такие, которые посылают болезни, например оспу, но осетин никогда не назовет такого духа злым или дьяволом. Осетин не прилагает к этим духам названия *xusaw* «бог», но в сущности они занимают в его религиозных представлениях и в культе такое же место, как боги у древних греков, германцев или славян»³. Культ единого бога был для народных масс слишком отвлеченным и бескрасочным. Они привыкли к многоцветному политеизму, и церковь вынуждена была пойти навстречу этой потребности, введя культ святых. Святые стали прямыми преемниками языческих божеств⁴.

Почему образ и культ того или иного дохристианского божества или героя переносились именно на данного христианского святого, а не другого? На этот вопрос далеко не всегда можно дать вполне убеждающий ответ. Иногда налицо ф у н к ц и о н а л ь н а я преемственность: преемником бога-громовника становится Илья Пророк, которому христианская легенда приписывает те же громовнические функции. Змеборец Георгий становится дублером языческих героев-змеборцев и т. п. Но не исключено, что те или иные функциональные черты были «примышлены» христианским святым вторичным образом в порядке агиографического творчества.

Более важную роль играл, по видимому, к а л е н д а р н ы й признак: христианский святой занимал место того языческого божества, дата праздника которого совпадала с днем этого святого или была близка к нему. Дата была нередко тем единственным, что связывало данное дохристианское божество или празднество с данным святым⁵.

³ В с. М и л л е р. Осетинские этюды, II. М., 1882, стр. 239.

⁴ «Il n'y a pas de différence essentielle, en effet, entre les saints de l'Eglise et les héros du polythéisme grec» (H. D e l e h a y e. Les légendes hagiographiques. 3^eed. Bruxelles, 1927, стр. 151). См. также: P. S a i n t y v e s. Les saints successeurs des dieux. Paris, 1914; Ch. C a h i e r. Les caractéristiques des saints. Paris, 1867; Д. Ш е с т а к о в. Исследование в области греческих народных сказаний о святых. СПб., 1910.

⁵ «L'on peut donc être sûr que, lorsque les populations chrétiennes ont gardé quelque chose d'une fête du paganisme, c'est tout au moins la date» (H. D e l e h a y e. Указ. соч., стр. 169); «La coïncidence des dates est donc un élément de démonstration de premier ordre pour qui cherche à rattacher au paganisme, par un lien de continuité, la fête d'un saint» (Там же, стр. 170); «Die christlichen Heiligen, die an die Stellen von Göttern gesetzt worden sind, gestatten uns in ihrem Gedenktage die Zeit des ursprünglichen Götterfestes mit Sicherheit zu erkennen und dadurch das Wesen des Festes und der Gottheit zu ermitteln». H. U s e n e r. («Archiv für Religionswissenschaft», VII, 1904, стр. 14).

Христианизация предков современных осетин, известных в прошлом под названием алан, началась в V в. стараниями византийских миссионеров и завершилась в X в. созданием аланской епархии. Переход в новую веру проходил не очень гладко. Есть сведения, что аланы несколько раз изгоняли поставленных у них священников. Так или иначе, формально христианство восторжествовало во всей Алании. Старые языческие божества, образы и мифы удержались только в эпосе, в сказаниях о героях Нартах. Нартовский эпос был той последней цитаделью, куда отступило язычество, продолжая оттуда наносить удары по новым богам: Нарт Батраз, согласно эпосу, воюет с христианским богом и христианскими «святыми», и хотя гибнет в этой борьбе, успевает нанести своим противникам тяжелые потери.

Но победа христианства была, как мы отмечали, больше внешней, формальной. Под оболочкой христианских имен и терминов продолжал жить целый мир языческих верований, образов, ритуалов. Прямых свидетельств об этом мире у нас очень мало⁶. И тем не менее мы можем составить о нем представление именно потому, что он во многих существенных чертах продолжал жить и после христианизации, изменив только оболочку, но не содержание. Древние языческие обряды и празднества с их ритуалом жертвоприношений и других культовых церемоний были без особого труда приурочены к праздникам христианского календаря по признаку совпадения дат. Позади христианских святых отчетливо проглядывали их древние прототипы — языческие боги и герои. Св. Георгий (под именем *Was-Gergi*) приобрел черты не то солнечного, не то военного бога, пророк Илья (под именем *Was-Illa*) — грозового и «хлебного» божества и т. п.

Весьма любопытной оказалась судьба апостола Петра. Имя *Петр* (*Petrus*) по нормам осетинского языка получило форму *Bettyr* (бытует в этой форме по сей день). Популярнейшим персонажем осетинской мифологии является владыка водного царства *Don-Bettyr*, букв. 'Водный Петр'. Что это за Петр? Речь может идти только об апостоле Петре. Но почему «водный»? В связи с евангельскими рассказами о рыбацестве апостола Петра он стал у многих народов патроном рыбаков, а в дальнейшем приобрел у осетин черты водного божества, Нептуна. В народной мифологии и эпосе *Don-Bettyr* обладает такими чертами и функциями, о которых апостолу Петру и не снилось. Он живет в подводном дворце, в котором «пол из перламутра, стены — синее стекло, потолок — утренняя звезда» (*jæ byn — ærɣæw, jæ k'ul — s'æx avg, jæ sag sæwwon st'aly*^{6a}). По материнской линии он является родоначальником героев осетинского эпоса, Нартов: его дочь — жена Нарта Хсартага — стала матерью знаменитейших Нартов:

⁶ См. мой доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов: «Дохристианская религия алан». М., 1960.

^{6a} В. И. Абаев. Из осетинского эпоса. М.—Л., 1939, стр. 14.

Урузмага, Хамица, Сатаны. Поскольку Нарты являются потомками дочери Дон-Бетра (Don-Bettyru hææfyrttæ), они часто и подолгу гостят у него. Сатана отдает туда на воспитание своего сына и пр. Ясно, что евангельский Петр совершенно не повинен во всем этом богатом мифологическом орнаменте. Он получил его *gratis* от своего языческого предшественника, быть может, от того скифского Посейдона, который, по Геродоту, назывался Тагимасадой. Приняв новую религию, надо было идентифицировать его с каким-нибудь христианским святым, и наиболее подходящим персонажем оказался «рыбак» Петр.

Такая идентификация, надо полагать, не встречала особого сопротивления со стороны христианских миссионеров. Понимая, что искоренить полностью старые верования и обряды невозможно, они шли на компромисс. Они как бы говорили: «Ладно, молитесь вашему водяному, но только называйте его христианским именем». Так, представляется нам, произошло отождествление аланского Нептуна с апостолом Петром.

На этом типичном примере видно, что не языческие образы перерабатывались в соответствии с христианской идеологией, а наоборот, христианский материал наполнялся языческим содержанием, отливался по языческой модели. Если легенда о данном святом содержала хоть одну черту, один штрих, за который можно было уцепиться, чтобы присвоить этому святому хоть одну функцию «родственного» ему языческого бога, этого было достаточно, чтобы приписать ему и все другие функции упомянутого бога. Впрочем, иной раз не требовалось даже какого-либо осязательного функционального сходства между христианским святым и дохристианским богом: простое совпадение дат празднования оказывалось достаточным для их отождествления (см. выше).

Ниже мы приводим в алфавитном порядке христианизированную ономастику осетинских божеств и календарных праздников, пытаюсь, где возможно, разглядеть скрытые за нею дохристианские, языческие реалии⁷.

Alardy | *Alaurdi* — божество, насылающее оспу. Существование такого узкоспециализированного культа объясняется тем, что оспа была в Осетии самой частой и самой страшной эпидемией, уносившей множество жертв. Отсюда великий страх, который внушал народу Аларды, отсюда рвение, с каким народ пытался снискать его милость. Святотелища, посвященные ему, были разбросаны по всей Осетии. В гимнах, которые пелись в его честь, он зовется «светлым» (*ruxs*), «золотым» (*syʒærin*), «красным» (*sygx*), «крылатым» (*bazyǵun*). Ему обещают жертвенные при-

⁷ Там, где нами приводятся две формы имени, разделенные вертикальной чертой, первая принадлежит иронскому диалекту осетинского языка, вторая — дигорскому. Единичные иронские и дигорские формы обозначаются соответственно: и., д.

ношения: красивейших белых барашков, пироги из лучшей пшеницы, пиво из лучшего ячменя и хмеля, серебряные монеты и пр. В одном из горных селений Алагирского ущелья (Эгид), где Аларды особенно чтятся, празднества в его честь длились целый месяц, в жертву страшному богу приносили быков и баранов, в его честь пелись гимны, устраивались скачки и пляски ⁸.

Как мы видим, Аларды имеет все черты языческого «медицинского» бога, властного и поразить болезнью и исцелить от нее. Таким богом был греческий Асклепий. Разница в том, что у Асклепия на первый план выступает его благостная, целительная функция, у Аларды — грозная, губительная. В христианской агиографии Асклепий имел своих преемников, «медицинских» святых. Одним из них был Иоанн Креститель. Процедура крещения, которой он подвергал людей, понималась как очищающая и исцеляющая, поэтому за ним закрепилась репутация святого-целителя ⁹. В восточной Грузии по соседству с Осетией, в местности, называемой А л а в е р д ы, был древний и весьма чтимый храм Иоанна Крестителя, привлекавший много богомольцев, в том числе больных, ждавших исцеления от святого. Осет. *Alardy* | *Alaurdi* и есть не что иное, как груз. *Alaverdi*: божество названо по месту своего почитания, как Афродита называлась Кипридой по острову Кипру ¹⁰. Как назывался «медицинский» бог в дохристианской Алании, об этом трудно даже строить какие-либо догадки, так как никакие материалы, относящиеся сюда, до нас не дошли.

Amistol — название летнего месяца. В иронском диалекте этот месяц зовется *Kæxcgænæny mæj*, так как к нему был приурочен праздник *Kæxcgænæn* в честь родившихся в течение последнего года мальчиков.

Вс. Миллер относил *Amistol* к числу календарных терминов неизвестного происхождения ¹¹. Этимология слова проясняется, если принять во внимание некоторые наблюдаемые в осетинском звуковые переходы. Звук *b* переходит иногда в *m*, например монг. *Xabiçi* → осет. *Xæmuc*, табак → *tamako* и т. п. Если допустить, что в слове *Amistol* имел место такой же переход, то старая форма должна была быть *Abistol*. Соответствующую форму мы действительно и находим у соседей осетин, балкарцев: *Abəstol* — название летнего месяца. Балкарцы — племя тюркского происхождения, но с сильным аланским субстратом. От алан они усвоили в свое время ряд календарных терминов, в том числе и христианских. К числу последних мы относим и *Abəstol*, в котором скрыва-

⁸ Вс. Миллер. Осетинские этюды, I. М., 1881, стр. 102—104; II. 1882, стр. 250—253, 275—276. Тексты гимнов Аларды см. также в сборнике «Осетинское народное творчество», т. II. Орджоникидзе, 1961, стр. 347—348.

⁹ Д. Шестаков. Указ. соч., стр. 148.

¹⁰ См. В. И. Абаев. «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (далее сокращенно — ИЭС), I. М.—Л., 1958, стр. 43—44.

¹¹ Вс. Миллер. Указ. соч., II, стр. 263.

ётся не что иное, как греч. ἀπόστολος 'апостол'. Так назывался месяц, охватывавший вторую половину июня и первую июля, потому что на этот месяц приходился праздник апостолов Петра и Павла: 29 июня¹².

Atynæg и. — подвижный летний праздник перед началом сенокоса. Справлялся в третье воскресенье июля. По своему содержанию восходит, по-видимому, к древнему растительному культу. Проходил весьма торжественно. К святилищу *Atynæg* стекалось множество народа из ближних и дальних аулов. В изобилии заготавливалось пиво и арака, резали быков и баранов. Идти на сенокос можно было только после праздника *Atynæg* и только тому, кто принял участие в этом празднике. Про того, кто нарушал этот обычай, говорили, что он работает хæддзугъæй («самоточкой»), и такой отщепенец мог поплатиться общественным бойкотом (*qody*).

Как ни очевиден языческий характер праздника *Atynæg*, его название вполне христианское. В нем скрывается имя святого Афиногена (греч. Ἀθηνoγένης), епископа Севастийского. Культ этого святого был популярен в древнехристианской церкви¹³. Были ли в житии Севастийского епископа какие-либо черты, которые давали бы повод приписать ему функции растительного божества, нам неизвестно. Возможно, что в этой трансформации повинно простое совпадение календарных дат.

Barysk'i | *Varæsk'æ* — обрядовый траурный пост. Соблюдался женщинами по умершим мужьям, братьям, отцам, сыновьям в течение года. *Barysk'i daryn* 'соблюдать траурный пост'.

Название восходит к греч. παρασκευή 'приготовление (к суботе)', 'пятница (= день поста)'. Термин — христианский, но реалии (траур по умершему мужу) восходят, несомненно, к дохристианскому времени.

Basyltæ | *Basiltæ* — праздник Нового года; д. *Basilti mæjæ* 'месяц январь', балкар. *Bašil aɣə* то же. Название *basyl* | *basil* применяется также к обрядовым пирожкам или хлебцам, изготавливаемым к Новому году. У грузинских племен аналогичные изготовления также называются *basila*, *basili*.

Название *Basiltæ* представляет форму мн. числа от *Basil*, а последнее восходит к имени одного из отцов греческой церкви — св. Василия Великого, епископа Кесарийского (329—379). *Basiltæ* 'Новый год' и *Cypurs* 'рождество' (см. ниже) по происхождению связаны с древним праздничным циклом зимнего солнцеворота. После христианизации новогоднему празднику было присвоено имя Василия Великого, день которого отмечался 1 января. Ср. в русском *Васильев день* 'Новый год'. Дохристианским названием этого праздника было, вероятно, *Ært-xuron*, букв. 'Огонь

¹² ИЭС I 51.

¹³ ИЭС I 81—82.

(art) сын Солнца (*xūron*)'. Термин *Ārtxūron* дошел до нас как название большого обрядового пирога, изготовляемого на Новый год. И подобно тому, как после христианизации *Basiltæ* стало как названием праздника, так и названием культовых хлебцев, так есть все основания думать, что *Ārtxuron* означало и пирог и праздник, к которому он изготовлялся¹⁴.

Cyppurs | *Cæpporse* — древний праздник зимнего солнцеворота, приуроченный к христианскому рождеству (ср. выше *Basiltæ* 'праздник Нового года').

Название восходит к иранскому **caḍwarsat* 'сорок'. Такое название было дано этому празднику потому, что ему предшествовал 40-дневный пост¹⁵.

Don-Bettyr | *Don-Bettær* 'владыка водного царства'. Популярный персонаж осетинской мифологии и эпоса. Родоначалник, по материнской линии, героев осетинского эпоса, Нартов.

Имя этого осетинского Нептуна означает 'Водный (*don*) Петр' и восходит к имени апостола Петра¹⁶. Подробнее об этом см. выше.

Dzwar — общее наименование для всех божеств, а также посвященных им святилищ.

Явно поздний (христианского периода) термин, заимствованный из груз. *džvari* 'крест'. В дохристианский период боги назывались *zæd* (др.-иран. *yazata-*) и *dawæg* | *idawæg* (др.-иран. **vi-tāvaka-*), букв. 'силы', от корня **tav-* 'быть сильным'¹⁷. Термины *zæd* и *dawæg* удержались в языке и после христианизации, рядом с *dzwar*.

Fælværa — бог-покровитель домашнего скота.

Это, без сомнения, древнее пастушеское божество; после христианизации получило имя, которое, по убедительной догадке Вс. Миллера, представляет искажение парного имени святых Флора и Лавра (*Florus—Laurus*), патронов домашнего скота¹⁸. Типологически святые Флор и Лавр являются преемниками языческих богов-близнецов, таких как древнеиндийское Асвины, греческие Диоскуры, которым, как показал Дюмезиль, охотно присваивались функции патронов хозяйства (скотоводства или земледелия), хозяйственного обилия и т. п.¹⁹

Fydwani | *Fidiwane* — имя божества, день которого отмечается летом, в период летнего солнцеворота. Связь этого божества с солнечной мифологией наглядно выступает в одном сюжете Нартовского эпоса, связанном с гибелью Нарта Сослана. Сослан гибнет, рассеянный чудесным колесом, ниспосланным на него с неба.

¹⁴ ИЭС I, стр. 239—240; V. I. A b a y e v. The names of the months in Ossetic. «Henning memorial volume». London, 1970, стр. 2, 7.

¹⁵ ИЭС I, стр. 323.

¹⁶ ИЭС I, стр. 367—368.

¹⁷ ИЭС I, стр. 348—349.

¹⁸ Вс. М и л л е р. Указ. соч., II, стр. 278—279.

¹⁹ G. D u m é z i l. Mythe et épopée. Paris, 1968, стр. 49—52, 87—89.

Божество, напустившее на Сослана смертоносное колесо, зовется то *Balsæg*, то *Ojnon*, то *Fydwani*²⁰. Колесо в этом рассказе, как и в других аналогичных мифах, является символом солнца²¹. Стало быть, *Fydwani* выступает как солнечное божество, «хозяин солнца».

Тщетно было бы, однако, в имени *Fydwani* искать каких-нибудь древних реминисценций. Оно вполне христианское и означает 'Отец Иоанн' (*Fyd Iwane*). Иоанн Креститель, день которого отмечался 24 июня, в период летнего солнцеворота, вплелся в древние солнечные мифы и стал преемником языческих солнечных божеств. Так было у осетин. Так было и у других христианских народов. Ср. русский Иван Купала. Дигорский сохранил это же имя еще в другой форме: *Ojnon* (см. ниже).

Giorguba | *Gewærgoba* — осенний праздник (в первой половине ноября). Пазвание идет из груз. *Giorgoba* 'праздник св. Георгия', но ритуал — древний, языческий, лишь замаскированный христианским наименованием. Св. Георгий более известен у осетин под именем *Wastyrgi* | *Was-Gergi* (см. ниже).

Ik'yna | *Ik'ina* — название календарного осеннего праздника, приуроченного к перегону скота с летних пастбищ в аулы. По содержанию праздник явно связан с древним скотоводческим циклом. Но название — христианское. Оно восходит к греч. *ἐγκαίνια*, букв. 'обновление'. Так назывался в христианской церкви праздник «освящения храма»²².

Kasuta и. — название весеннего праздника. В этот день молились о даровании молодым невесткам мужского потомства.

Название идет из груз. *Kvašveti* — название чтимого в старину храма богини плодородия был перенесен на богородицу и на посвященный ей храм. Так же точно название храма в Алаверди стало названием бога эпидемий *Аларды* (см. выше).

Madæ Majræm 'Мать Мария'. Так зовется у осетин богородица. Культ ее имеет ясные черты культа богини плодородия. «Богородица, — пишет Вс. Миллер, — обратилась в фетиш: около аулов большой камень носит название *Madæ Majræm*, и к нему водят молодую при брачном обряде. Приближаясь к священному камню, мальчики бросают в него камнями и пулями, восклицая при этом: вот столько мальчиков (сколько камней или пуль) и одну синеокую девочку подай, Майрам, нашей доброй невестке»²³

Mukalgabyrtæ и. — название нескольких святилищ. Особенно чтилось святилище в Алагирском ущелье близ аула Цей. Праздник был приурочен к маю и продолжался больше недели. Ритуал,

²⁰ Вс. Миллер. Указ. соч., II, стр. 285.

²¹ G. Dumézil. Légendes sur les Nartes. Paris, 1930, стр. 196—199; В. И. Абаев. Нартовский эпос. — «Изв. Сев.-Осет. научно-исследов. ин-та», X, вып. 1. Дауджикау, 1945, стр. 52—53.

²² ИЭС I, стр. 542—543.

²³ Вс. Миллер. Указ. соч., II, стр. 252.

как и в других случаях, был вполне языческий: жертвоприношения быков и овец, сопровождаемые традиционными обрядами и молитвами и пр.²⁴

В названии *Mykalgabyrtæ* скрываются имена архангелов Михаила и Гавриила (груз. *Mikael—Gabrieli*).

Nykkola | Nikkola — чтимое в старину божество, было особенно популярно у дигорцев. Хотя христианское происхождение его имени не вызывает никакого сомнения (речь идет о св. Николае Мирликийском), его образ вобрал черты, не имеющие отношения к св. Николаю и восходящие к дохристианским верованиям и представлениям. В посвященных ему гимнах Никкола рисуется спасителем терпящих бедствие мореплавателей. В сказании о Нарте Ацамазе Никкола, вместе с другими небожителями, выступает в роли свата к невесте Ацамаза Агунде, а затем принимает участие в свадебном пиршестве²⁵.

Ojnon д. Чудесное колесо, поразившее Нарта Сослана, зовется в дигорских вариантах обычно «колесом Ойнона» (*Ojnoni calx*). Как мы отмечали выше (под словом *Fydwani*), колесо является здесь символом солнца, а Ойнон мыслится как солнечное божество. Между тем имя *Ojnon* вряд ли может быть чем-нибудь иным, как именем св. Иоанна (Крестителя). По нормам осетинской фонетики *a* перед *n* переходил в *o*. Стало быть, из *Ioan* должно было получиться *Ion*. Далее, личные имена охотно снабжались формантом *-on*: *Aluzon* рядом с *Aluz*, *Qūsægon* рядом с *Qūsæg* и т. п. Так рядом с *Ion* появилось *Ionon* и далее *Ojnon*. Каким образом на Иоанна Крестителя были перенесены черты солнечного божества, об этом мы говорили выше, в связи с термином *Fydwani*²⁶.

Safa — бог домашнего очага, создатель и патрон священной надочажной цепи²⁷. Упоминается и в нартовском эпосе.

Не исключено, что свое христианское название это древнее божество получило по имени Иерусалимского святителя Саввы Освященного, популярного в восточнохристианской церкви.

Saniba — название аула. В прошлом — культовое место. Название *Saniba* неотделимо от груз. *Sameba* 'троица'. Не случайно поэтому, что, по сообщению А. Шегрена, праздник *Kærdæggræs-sæn* ('приношение трав'), который соответствовал христианской троице, особенно отмечался жителями аула Саниба²⁸.

²⁴ Описание обычного ритуала староосетинских праздников см.: В с. М и л л е р. Указ. соч., II, стр. 264—265.

²⁵ В. И. Абаев. Из осетинского эпоса М.—Л., 1939, стр. 66—67, 72: «возглавляет свадебное шествие высокий Никкола».

²⁶ Надо полагать, что имя св. Иоанна вошло в осетинский на двух разных этапах христианизации: сперва в форме *Ojnon*, потом в форме *Fydwani* ('отец Иоанн').

²⁷ В с. М и л л е р. Указ. соч., II, стр. 248.

²⁸ А. Шегрен. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях. «Маяк». СПб., 1843, кн. XIII, т. VII, стр. 42.

Tarangeloz и. — название божества, которому посвящено несколько святилищ. Одно из наиболее чтимых в прошлом — в ущелье Труссо (*Tyrsy*) в верховьях Терека (*Tyrsyju Tarangeloz*).

Название идет из груз. *Mtavar-Angeloz* 'архангел'.

Tütyr | *Totur* — бог волков. Ему молились об ограждении стада от волчьей опасности²⁹. Посвященный ему праздник (*Tütyrtæ*) отмечался весной, в марте, продолжался несколько дней, был весьма торжественным, сопровождался играми и пр.

В имени этого волчьего божества Вс. Миллер распознал св. Федора Тирского, которому, по агиографической легенде, повиновались волки. Кроме весеннего Тутыра, праздновался еще осенний Тутыр³⁰.

Wacilla | *Wacella* — божество грозы и урожая. День его отмечался в июне. В жертву ему приносили предпочтительно козлов.

Имя его состоит из *wac* (восходит к др.-иран. *wāc-* 'слово'), что должно было означать в данном сочетании нечто вроде 'святой', и *Illa* | *Ella* = 'Илья'. У осетин, как и у некоторых других христианских народов, Илья Пророк присвоил функции древнего бога-громовника.

Wastyrgi | *Waskergi* (*Was-Gergi*) — популярнейшее божество староосетинского пантеона. Рисуется в посвященных ему легендах как всадник на белом коне и в белой бурке. Считается мужским божеством *par excellence*: женщины не могут называть его по имени и почитательно именуют его *lægty dżwar* 'бог мужчин'. Покровитель путников и воинов. Наделен также чертами солнечного божества. Его постоянный украшающий эпитет *sužærin* 'золотой', также *sužærinæ bazurgin* 'златокрылый'.

Древнейшая форма *Was-Gergi* состоит из уже знакомого нам элемента *wac* ((→ *was*) 'святой' и *Gergi* 'Георгий'³¹.

У осетин, как и у грузин и у русских, св. Георгию особенно повезло во всенародном признании и популярности. Свой ореол он унаследовал, надо полагать, от тех дохристианских божеств, преемником которых он стал и функции которых он воспринял.

Мы познакомились с христианизированной терминологией осетинских культов и с тем языческим субстратом, который за нею скрывается. В этом субстрате легко распознаются хорошо извест-

²⁹ Вс. М и л л е р. Указ. соч., II, стр. 243, 273—274, 278. В некоторых, посвященных Тотуру гимнах, нет упоминания о волках: он рисуется как добрый ходатай за людей перед богом и небожителями («Осетинское народное творчество», т. II, стр. 346—347).

³⁰ По осетинскому календарю на 1925 г., изданному Е. Гутновым (Вег-лин, 1925), — в последнее воскресенье сентября.

³¹ Эпитет *wac* (*was*) может факультативно присоединяться к именам некоторых других «святых». В культовых и фольклорных текстах встречаются сочетания *Was-Totur*, *Was-Nikkola*. Но в случае со св. Георгием и Ильей Пророком произошло полное сращение элемента *wac* (*was*) с именем настолько, что *Gergi* и *Illa* отдельно не употребляются и не понятны.